

Комбат Найтов

ЗЕЛЁНЫЙ ЗМЕИ УРАЛА



АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Комбат Найтов

Зелёный змей Урала

«Автор»

2023

Найтов К.

Зелёный змей Урала / К. Найтов — «Автор», 2023

Прочел несколько романов по альтернативной истории Руси. Кто-то металлургический комбинат строит в Смоленске, на привозном сырье из Германии, потешные войска создает, но забывает о том, что их кормить нужно. В общем, «бьяда» с альтернативкой. Решил немного поправить дела в этом вопросе... Место выбрано соответствующее, в нескольких десятках километров от слияния рек Усс и Тура. Вozить из Германии руду не придется. Есть всё, кроме людей. А там, как масть ляжет. Девятый век нашей эры, ни тебе компа, ни Сталина, ни бога, ни черта. Нет, без участия чертей, видимо, не обошлось! Только они могли забросить жителя XXI века в такую глушь!

© Найтов К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. «Во глубине сибирских руд...»	5
Глава 2. Незванные гости	9
Глава 3. Большой секрет в маленьком ящике	15
Глава 4. Первые жители и первая стычка	18
Глава 5. Вокруг замка на Змеиной горе	22
Глава 6. Норманский оселок	26
Глава 7. В этом мире все совсем не просто!	30
Глава 8. История семьи еще больше запутывается	35
Глава 9. Первый поход	39
Глава 10. Белая Вежа	45
Глава 11. Новые претензии	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Комбат Найтов

Зелёный змей Урала

Альтернативная история

Глава 1. «Во глубине сибирских руд...»

Проснулся я от холода, видимо забыл вчера форточку закрыть, когда спать ложился, хотя конец марта, на улице уже 11 градусов, днем. Ночью прохладнее, но у меня одеяло верблюжье, так что, весьма странно, что меня таким образом удалось разбудить. Вынул из-под одеяла руки, и начались странности! Во-первых, укрыт я оказался какой-то шкурой с длинным густым мехом, во-вторых, спал не раздеваясь. А в-третьих, в комнате стояла такая вонь, как в туалете типа сортир с восемью или более «очками». В армии у нас такие были, мыть приходилось и пользоваться.

Темно, хотя какой-то свет проникает через четыре квадратных небольших отверстия, но мутных, до безобразия. Свесил ноги, присматриваюсь. Тишина, никаких звуков. В этих сумерках удастся рассмотреть стол, набранный из досок толщиной в пару дюймов. Шесть не менее массивных стульев, на двух из которых видны какие-то сидящие фигуры, но они не шевелятся. Звуков дыхания не слышно. Под ногами, в проходе между столом и «кроватью» лежит какое-то тело, уткнувшееся головой в содержимое желудка. Еще одно тело в углу сидит на чем-то низком, но признаков жизни не подает. Еще один труп, я уже отчетливо понимаю, что имею дело с трупами, свернувшись калачиком лежит справа от стола. Хорошенькое пробуждение! Придется звонить в милицию, блин, в полицию. Но суть от этого не меняется. Где мой телефон? Вот-те номер! На мне кожаные штаны и рубашка, без карманов, под «подушкой», свернутой вонючей шкурой, никакого телефона нет. Черт, где здесь выключатель? Но еще раз внимательно осмотрев жилище, понимаю, что не вижу ни одной лампочки. На столе и стенах обнаружил несколько креплений, в которых торчали сторевшие лучины. Спичек и зажигалок с собой не было. Носков – тоже. Сморщившись от омерзения, залез ногами в мохнатые сапоги-не-сапоги без твердой подошвы и каблуков. У нас делают подобные тапочки, типа ичигов. Аккуратно переступая через зловонные лужи, начал пробираться к двери, чтобы проветрить помещение, ибо и у самого наблюдался повышенный рвотный рефлекс, который я с трудом сдерживал.

Дверь вела в сени, здесь еще более прохладно, если не сказать более, пришлось вернуться и накинуть на себя какой-то полушубок, выбирая их из шести висевших. В первую очередь удивила каменная стена, которую я увидел в сенях, и висевшая упряжь. А вот такую конструкцию седел я никогда не видел. Пошарил глазами в поисках какого-нибудь оружия, но кроме небольшой палицы, я ничего не увидел. Пришлось подойти к столу и осмотреть труп бородастого мужчины, снять у него пояс, на котором висел не слишком внушительный ножичек. Что-то вроде узбекского «пчака». Ножны также сделаны. Вернувшись в сени, я увидел и «оружие», стоявшее и висевшее на стене за шкурой слева. Несколько луков, но назвать их луками язык не поворачивался, несколько копий и странного вида алебарда. Бердыш, наверное. Внизу стояли топоры. Ружей не было, совсем. А стрел довольно много, но, тоже неказистых и некоторые из них были с каменными наконечниками. Вот это номер! Но, возвращаться с «ту» комнату желания не было абсолютно, требовалось проветриться и, главное, проветрить мозги!

Во дворе, в «свободном выгуле», были собаки: две лайки и, скорее всего, «среднеазиат» – судя по обрезанным ушам и хвосту. Кроме взрослых, по двору носились шесть щенков. Двор

имел ограждение из вкопанных заостренных бревен и идущего по нему помосту. Кое-где забор прерывался большими валунами. В плане это был шестиугольник со сторожевыми вышками по углам, одна из которых была не достроена. Главное здание представляло из себя каменную башню квадратной формы, сложенную из зеленоватого серпентита. Этот камень я хорошо знаю! Он сам любит растрескиваться на слои, но это у него занимает довольно много времени, а еще, внутри него встречаются жилы серпетинита! Я с надеждой вытащил нож и рассмотрел его лезвие на свету. Это было «произведение древнего искусства». Я даже различил на нем «булатный узор», но не было даже признаков арабской вязи. Жаль, что у его хозяина не спросишь: где он его взял! Поверх башни строилось какое-то сооружение из бревен. Зачем? Удивительно, но ворот, как таковых, не было. Одностворчатая калитка, укрепленная так, что раздолбать ее было бы сложно. Поднявшись на одну из вышек, я огляделся. Ну и глушь! Сплошной лес на весь видимый горизонт, только под горушкой, на которой находился этот дом, было видно «рукотворное поле», большое. И какое-то строение рядом с ним, на дом не слишком похожее, без забора. Сверху я увидел, что стена вокруг «замка» истыкана небольшими палочками и привязанными к ним веревочками и тряпичками. Но свежих следов за оградой не было, все скрыл недавний снегопад. Глухотень! А вот ту горушку я точно видел! Осталось вспомнить: где и когда. Заодно полюбовался: как умело встроены валуны в стену! Их предварительно «обрабатывали». Это ж какой труд! А умелец уже показать эти приемы не может! А я, лично, в каменотесных работах дуб-дубом! А вот и первый «секрет» бывшего владельца: домница. И несколько подготовленных «зарядов» для нее, один из которых требуется разобрать на составляющие. Рядом с домницей – кузня и колодец, но с заполнением «сверху»: прямо из-под башни вытекал ручей. Вода минерализована и пузырится, но пить можно. Ручей вытекал за стену по выложенному красивыми камнями руслу. Видимо поэтому стену утыкали этими палочками. Ручьи на вершине – большая редкость и всегда притягивали к себе внимание людей. Для обороны удобно, и отличный наблюдательный пост. В мастерской выложены на просушку деревья без коры, часть из которых была каким-то образом распущена на толстые доски. Где, интересно? Так, это – конюшня. Два коня-жеребца, три кобылы и жеребенок, пока один, но скоро их будет два. Отлично! Овчарня, овец мало, но они есть. Вот только кто их пасти будет? Я, правда, в душе еще надеялся, что это – просто сон, и все пропадет, как только проснусь, но осматривал все с интересом. Заложил животным сена и подсыпал в люльки какого-то зерна. Что это – я не знаю: гумно, овин или закрома. Брюква, репа, это, похоже, тыква довольно странной формы, кадки с зерном, что это такое я не знаю. Ручная мельница. А это что? Похоже, брага. Укутанная, чтобы не замерзла. Еще одна бочка, заполненная какой-то коричневатой пастой. Фиг его знает, может быть дрожжи, но у меня нет советников. Угу! Соль, каменная, и ее много. Это хорошо. Рыба вяленая, рыба копченая. Так, секунду! Я это видел на столе у трупов! Ботулизм? Очень похоже. Все понятно, будем разбираться чуточку позже. В общем, запас еды был, как и запас дров и древесного угля. Его было много, и, значит, есть где-то место, где его обжигают. Будем искать. Птичник, с перепелками. Это замечательно! И ямка с их компостом обнаружилась! А птички ботулизмом не болеют. Вот нам и завтрак! Подсыпал им зерна, которое они принялись просто молотить! Яйца собрал, но выносить из птичника пока не стал. Заглянул в ледник, разделенный на несколько «отделов». В первом обнаружил грибочки, которые, вероятно, и отправили на тот свет все семейство. После осмотра двора, поднялся наверх башни и малость припух: лаборатория. Да, она очень примитивна, готов только первый этаж, там нечто вроде библиотеки, есть рукописные книги на нескольких языках, печь с поддувом, образцы, какие-то склянки и записи на воощеных дощечках. Образцы доспехов, отличный двуручный меч, легкая сабля, облегченный меч и множество рисунков различного вооружения. Вот, нет чтобы календарь какой-нибудь на стенку повесить! А так и сиди тут, как песенке: «В день какой неведомо, в ни в каком году!». Знаки, изображенные на восковых пластинах, я не знал. Я их видел, пару раз, знаю, что это слоговое письмо, распространенное в той местности, которая

называлась «Русь». Но там гор нет! Так что, придется приступить к самому неприятному в этой истории, тем более, что я нашел веревки из пеньки и предыдущий хозяин был знаком с механизмами из Древней Греции: несколько полиспастов, двойных и тройных блоков я обнаружил в мастерской. Там же было несколько плотных мешков из кожи, в края которых были вделаны люверсы, чтобы их затягивать. С их помощью я надеялся быстро избавиться от тел. К тому времени я отчетливо понял, что «полиция» сюда добраться не сможет, по причине ее полного отсутствия.

А все оказалось еще более печально, чем я думал: это не пищевое отравление! Это просто отравление. Тот, свернувшийся калачиком, труп лежал не в блевотине, а в луже крови, а руками держался за живот, пробитый насквозь здоровенным наконечником с огромными зазубринами, видимо от какого-то гарпуна. Судя по всему, его метнул старший по возрасту мужчина. На поясе у убитого я обнаружил «кошелек», в котором лежали камешки пяти цветов. Два крупных и чистых рубина, три изумруда, один из которых был просто «булыжником» около 40–50 карат, невероятно чистой воды, остальные камешки нескольких цветов, все довольно крупные, явно были не кварцем. Большинство из них были прозрачными. Алмазы! Тут же вспомнилось и название горюшки: Верблюд! Речушка, которую я видел, называется Ис или Исс. А здесь, в нашем времени, стоит буддийский монастырь, в котором я бывал лет 10 назад. Высокая вершина неподалеку от Верблюда, носит название Качканар. Качканар – строго на 100⁰ от этого места, Верблюд – по пеленгу 172,5 градуса. Там, где видел поля, будет стоять деревня Косья. В трех километрах от нее выше по реке – бывший золотой прииск, где встречалась и платина, и алмазы. Верховья Исы – вообще уникальное место, чего там только нет! И киноварь, и молибден, и россыпные алмазы, и даже вольфрам. Разлом там. А еще, рядом исток реки Серебряной, по которой через Урал переходила дружина Ермака. Прювед, медвед! Вот теперь понятно, почему они все европеоиды. Местные здесь на русских не должны быть похожи. Здесь, в основном, пермяки-солены уши проживали и монголоиды.

Перчаток резиновых, само-собой, не было. Будем надеяться, что отравы не кожно-нарывного действия. Первой на двор вытащил женщину или девушку, она на «горшке» сидела, пустой кадке, там и умерла. У нее ничего не было, одежду я с нее снял. Положил на первые два слоя дров. Затем вытащил пожилого, и тоже уложил его рядом с дочерью, наверно. А может быть это его вторая жена? Кто его знает? Все его вещи и одежду я с него тоже снял. Затем старшую из женщин, еще бы немного и у нее был бы ребенок, потом мальчишку, который лежал возле кровати. Вначале не хотел класть убийцу вместе с жертвами, а затем рассудок взял верх над приметами. Пирит, кресало и что-то напоминающее обмотку для уплотнения резьбы труб я нашел у всех, каждый носил это дело с собой в мешке из рыбьего пузыря. В первый раз возился довольно долго, но раздул огонь и около трех часов не отходил от костра. Нашел в мастерской деготь, плеснул его туда, после этого загорелось сильнее. Хорошо еще уложил первые слои на уголь, иначе бы еще дольше возился с этой противной процедурой. Подывали собаки, особенно когда паленым белком запахло, но я выдал им по большой рыбине, просто замороженной, и они притихли. В перерывах я драил палубу в новом жилище, вынес все на улицу, забросал снегом и принялся все, абсолютно, выбивать на снегу, мыть и чистить. Мыла не было. Использовал щелок из бочки, в котором замачивали золу. Нашел печку, точнее, три печки: летнюю, с вмонтированным казаном, кухонную, кухня была в отдельной комнате, и «главную», но начинали строить башню не русские, а японцы, китайцы, корейцы или монголы. Такую конструкцию я видел на Дальнем Востоке, печь имеет нижний дымоход, на котором и расположены спальные места во всех комнатах, затем уходит вверх в плоской трубе, у которой нет задвижки, поэтому выстывает комната очень быстро, если не поддерживать постоянный огонь и не закрыть вовремя поддувало. Непосредственно над огнем сделана выгородка, как в русской печи, там можно запекать все, что угодно или сушить. И места она занимает меньше,

чем русская печь. Сойдет. Тем более, что дров вокруг – море. А вот с людьми – напруг. Самого себя я еще не видел: в доме зеркал нет, но я еще не осматривал все три жилых комнаты на первом этаже. Так, заглянул, и все. Судя по всему, попал я в тело очень молодого человека, русоволосого, кудри были довольно длинные. Не слишком сильного, без полиспастов мне было бы не по силам перетаскать такой груз. В сене на конюшне я нашел две переметные сумки, набитые слитками серебра, золота и самородками платины, так что стало понятно, почему я жив остался: по горам и дикой тайге ехать одному – верная смерть. Мне дали что-то успокоительное, чтобы утром разбудить и поставить перед фактом, что все умерли, и требуется все сжечь и уезжать. Убитому гарпуном было лет 20–25, я, видимо, младше. Поев, я принялся разгадывать загадку слогового письма. Что-то об этом читал, а табличек было много, плюс ворох берестяных, и, главное, существовал «ключ». Он стоял и лежал на кухне! Все баночки были подписаны! Женщины в этой семье были грамотными, и они оставили мне этот «ключ». В перерывах приходилось высказывать на двор, чтобы до конца сжечь трупы, да и для того, чтобы что-нибудь не спалить из «свежеприобретенного». К утру костер окончательно догорел. Я собрал всю золу в мешки и собрался выйти за ограду, но выяснилось, что никакого приспособления, чтобы открыть калитку снаружи не существует. Кто-то всегда должен оставаться «на часах» и впускать «постояльцев» обратно. Почесав «репку», забрался на подветренную вышку и развеял прах по ветру, тем более, что набежали тучки и дул довольно сильный ветер. Все это подвигло меня изобретать «велосипед»: то есть замок, которым можно закрыть этот «замок» снаружи, а потом открыть его. Изнутри калитка закрывалась вполне надежно, но вручную, причем снять засовы в одиночку было достаточно трудно: очень тяжелые брусья из какого-то незнакомого дерева, в середину которого вставлен металлический штырь. Их – четыре. Можно, конечно, и штормтрапы применить, но это – крайний случай.

Глава 2. Незванные гости

Как уже писал, в первую очередь занялся письменностью, что в принципе не составило большого труда, через две недели я свободно изображал любые надписи с помощью этих значков, но убей меня, если я знаю, как эти слога произносятся. Знаков было не слишком много, это не китайские иероглифы, но заморочек было достаточно! Особенно с «тсья-тсья» и тому подобным. Так вот писались они одинаково, а мягкий знак был уже буквой, апострофом, одинарным, если мягкий, и двойным, если твердый. В общем. Напоминало скоропись, которой я некогда увлекался. Здесь тоже встречались знаки, соответствующие целому слову. Но как звучит этот язык оставалось практически полной загадкой. Одновременно с «велосипедом» отработывалось еще две задачи:

Первое: создание системы мер, так как образцов у меня не было, сами понимаете, что эталонный метр мне с собой никто не дал. Да и китайской рулетки под рукой не оказалось. У «алхимика» (я старательно и сознательно избегал слова «отец» и «мать» по отношению к покойным, хотя, скорее всего, они для парня являлись именно родителями, но его память мне была недоступной) были мерительные инструменты и какие-то грузики к двум типам весов. Одни были чашечными лабораторными, вторые находились в мастерской и могли быть подвешены на крюке в любом месте. К ним прилагалась и дополнительная палка, на которую можно было подвесить грузики с разрезом. Но размерность этих «эталонов» для меня была загадка. Решил сказать, что Луна твердая. И переходить с метрической системы на местную я просто не стал. Приблизительно я понимал, что используется пядь, шаг, локоть, аршин, сажень и косая сажень. И что фаланга указательного пальца – примерно дюйм. Что я точно уяснил, так это величину сажени, так как обнаружил инструмент «землемера», этакий циркуль с неподвижными ножками, размах которого был чуть больше размаха моих рук, но я еще «маленький», недорос или недоросль. Поэтому, затратив несколько дней на всякого рода измерения, я «создал» эталоны дециметра, метра и сантиметра, точно кратные 10 и приступил к созданию штангенциркуля. Очень помогла обнаруженная в «лаборатории» линза, оказывается она уже была известна, но сделана она была не из стекла, а из прозрачного камня, горного хрусталя высокой чистоты, хотя, конечно, уступала по прозрачности оптическому стеклу с просветлением. Давала неплохое увеличение около 4х крат, благодаря чему удалось точно и аккуратно нанести штриховку на штангель. Но это было чуточку позже, так как в первую очередь штангенциркуль – это ровные поверхности, которые получить можно только с помощью станка, фрезы и тел вращения. Сами понимаете, в этом диком мире подшипников не было. Их требовалось создать, что в этих крайне примитивных условиях было той еще задачей! Домница была настроена на получение крицы из руды, содержащей ванадий, довольно тугоплавкой. Чугун получить в ней было невозможно. Только методом науглероживания «готового» продукта, а наличие ванадия, это я хорошо знал, так как соседнюю гору в 20 и 21-м веке довольно основательно раскопали, и состав местной руды мне был хорошо известен, очень затрудняло этот процесс. Единожды попытавшись получить чугун, я от этой идеи отказался. Сумел отковать и обработать вращением три вала. Изготовить и заточить (абразивных материалов под рукой тоже не было) несколько десятков фрез. А кроме того, свить и заточить сверла, благо, что марка стали позволяла резать незакаленную сталь той же марки. Или предварительно отпущенную. Сверла изготавливаются достаточно просто, первое я сделал полностью вручную, не совсем удачное, с коротким боковым режущим краем. Затем, когда появились фрезы, то создал пресс-форму для них, целую серию, уже после того, как «утвердил» собственную меру длины, и одним движением прессовал заготовку, затем брал ее за кончик и скручивал в спираль. После нагрева и закалки приступал к заточке. Абразивы я позже нашел, они имеются в данной мест-

ности, но секрет наполнителя, с помощью которого делаются абразивные круги, пока оставался «большим секретом». Времени на это не было.

Вся эта возня не отрывала меня от «основной задачи»: продумывания дальнейших шагов. Иметь собственный замок в горно-лесистой местности, да еще набитой всякими ценными разностями, это, конечно, здорово! А дальше? Ну научился я выходить за ворота и возвращаться, слишком много времени на это не понадобилось. Нашел в округе три десятка интересных ловушек для соболя и куниц. Есть, пока, заготовленная предыдущим хозяином, большая бочка с дубильным составом и емкость, в которой вымачивались снятые шкурки. Шкурок – много. А толку от этого? Я – один. Сам с собою разговариваю, чтобы язык не забыть. Понятно, что при такой занятости, «алхимик» упустил работу с молодежью, вот и засобирались старшенький на «большую землю». Тем более, что карта, пусть и примитивная, была. Сам хозяин, видимо, тоже не собирался сильно здесь засиживаться, поначалу, затем хозяйство и семья крепко привязали его к этому месту. Иначе не стал бы он плавить в слитки золото и серебро. Насколько я понимаю, форма и вес этих слитков копировали гривну. Гривен этих скопилось достаточно много. Уже после того, как я сделал подъемный механизм для запора калитки, я съездил к Исе, в то место, которое я знал, и сделал пробные промывки. Золото было и большое количество платины. Тут подоспел заквашенный лишайник, и я снял со стены несколько лоскутиков, пропитал этим раствором ткань и проверил все горшочки в лаборатории, отделив кислоты от щелочей, органику от неорганики, и продолжил ставить опыты, начатые моим предшественником. Благодаря тому, что у него нашлась соляная кислота и цинк, а у меня была платина, то обзавелся нормальной зажигалкой, кислотной, правда, но превосходящей по скорости появления огня дурацкие пириты и ворсинки конопли. Огонь – наше все! Тем более, что зима была холоднющей и долгой. Закончив изготовление трех станков: фрезерного, токарного и сверлильного, приступил к самому главному действию: я ведь молодой и необученный, и, кроме штыка-ножа, холодным оружием не владею. Луки – точно созданы не для меня. Бить белку в глаз – это не мое хобби. Станки мощностью не обладали, так как привод у них стоял ножной, как у швейной машинки, зато резцы у меня были «фирменные», алмазные. Много таким станком не снимешь, но чистовая обработка – просто загляденье! После того, как «появились» кислоты, в сталь я начал добавлять молибден, некоторый запас которого имелся в хозяйстве, и я сумел привязать к карте расшифрованные записи «алхимика», то есть, знал где что лежит. Что-что, а геологией он занимался плотно и регулярно! Как и химией. Однако огромную сложность представляли из себя названия веществ, которые он использовал. Приходилось многое додумывать самому, на основе того, что помнил из уроков деда. С органикой у меня похуже, дед к тому времени умер, а неорганику он «вбил» в меня крепко! Наладив станки и заточку инструмента, я приступил к изготовлению «Маузера» С-96 и «ТТ», устройство которых знал практически досконально. Все необходимое для производства у меня имелось, а патронами и нитроцеллюлозой займемся чуть позже или параллельно. Исходники для получения азотной кислоты у меня есть. До весны успел сделать два ствола и скрепить их с корпусом будущих пистолетов. Все! Если хочу выжить, то надо ехать вниз и посмотреть на поля. Заодно прогуляться по реке, посмотреть: как там и что. Снега было еще много, но он начал таять, пара дождей и его смоем.

С собой взял лаек, колчан со стрелами, для солидности, и саблю с кинжалом. Пожевать на дорожку, воды в баклажку и корма для лошади. Строение оказалось заметным снегом по самые уши, но наверху на крыше торчала деревянная рукоятка, вытащив которую из-под снега, я увидел широкую «снежную» лопату. Погрелся и вошел в строение. Печка, три кровати, стол, несколько табуреток, и чулан, с воротами в сторону реки. Лодка-долбленка, сети, две сохи, что меня просто убило! Не умею я пахать этим приспособлением! И упряжь для двух лошадок под эти самые сохи. Косы, серпы, бороны и всякая мелочёвка. Гулять по реке я не пошел,

вернулся на гору. Требовался плуг, колесный, желательнее с двумя-тремя лемехами. Дельное железо и сталь у меня были в мастерской. Вернулся через четыре дня, на двух лошадях, везя с собой и ручной горн, для того, чтобы склепать это сооружение прямо на месте. Наковальня там была. Опробовал «изделие», отрегулировал глубину вспашки, жеребцы малость поупрямились, но затем в два дня распахали все поля. Но что я туда посеял для меня осталось полной загадкой: крестьянин из меня, городского жителя, тот еще! Несколько полей оказались «занятыми». Что на них растет я не знал, но трогать не стал. Позже выяснилось, что там росли какие-то корнеплоды на семена, а примерно треть всех угодий засеяно озимыми. Довольно быстро управившись с этим вопросом, и имея работающий запор на калитке, я ушел в «отход» из которого возвратился через две недели. Путешествие было плодотворным: мрамор, малахит, магнетит, галенит, гадолинит, керагирит, полибазит, несколько самородков электрума и огромный кусок серебра, руками не поднять, еще не взвешивал! Плюс россыпь мелких алмазов, причем практически не обкатанных, нашел под камнем, который расколол крупный чистый кристалл. Очень нужная в хозяйстве вещь! Главная находка: несколько отличных ярко-красных кусков киновари. Карта, составленная «алхимиком», не подвела, и находки позволили почти полностью расшифровать названия, которые он использовал. Например, свинец он почему-то называл «оловом», если использовал слоговое письмо и совершенно правильно называл его по латыни, но с прибавлением слова *nigrum*. Плюмбум нигрум. Моя задача облегчалась тем, что много материала мне не требовалось! Развивать производство было не с кем. Две руки, одна голова и две ноги, не считая конских. Впрочем, весна внесла коррективы и в это дело! В один из вечеров я обнаружил дымы на востоке, там, где сливается Тура и Иса. Кажется, мое одиночество закончилось, друзей у меня здесь нет, а остальные – враги. Интересно: они меня осадят или будут брать штурмом? Я, правда, выяснил, что дверь в сени только облицована деревом с обеих сторон, а сама – стальная. Стальные заглушки сделаны и для всех окон. Кислоты и цинка у меня достаточно, чтобы готовить еду на «зажигалках». Есть спирт, который тоже неплохо горит, но вот остальное они могут разграбить. Разнес по вышкам стрелы и луки, вынес копыя с упором для отталкивания лестниц. И срочно начал делать гремучие ртуть и серебро, раскатывать в фольгу один из самородков и готовить пластификатор, чтобы прикрыть состав от попадания воздуха, точнее кислорода, которые оба эти вещества не слишком любят. Четыре часа мучений и несколько типов капсулей одного диаметра и высоты у меня появилось. Две сотни гильз я наделал еще зимой, откалибровал, просверлил, проверил в обоих патронниках. Совсем небольшое количество нитроцеллюлозы из конопли у меня имелось, которую я растворил в смеси спирта и диэтилового эфира, и высушил эту однородную массу, но я ее на кусочки еще не резал. Этот размер требуется подбирать под капсуль. Вариантов тут не так много, но они есть: смесь 80:20 ртути и серебра, два чистых 100 % и с азидом свинца. Он самый безопасный, но его делать замучаешься! Смог сделать совсем чуть-чуть, 20 граммов. Но, ради чистоты эксперимента сделал и на его основе. Навонял в лаборатории – спасу нет. Осечек не дала самая первая серия с величиной реза 1,5 миллиметра. Прокатал 200 оболочек, залил свинцом и вставил стальные сердечники. К маузеру прицепил кобуру, а «ТТ» сунул под мышку. Боеготовен! Лаков никаких нет, но этот порох абсолютно не гигроскопичен, а под фольгу на капсуле я герметик тоненький поставил. Не спал двое суток! А стрелять не пришлось! Мои поля никто не тронул! Было видно, что вокруг них ходило несколько человек и чем-то дымили, а остальные к полям даже и не подошли. Поднялись по тропе, развешивая тряпочки и веревочки, походили вокруг «замка», втыкая в стены палочки с курениями и тряпочками. Пели какие-то песни, а перед калиткой положили тушу оленя и пару-тройку метров ярко-красной ткани, правда, зачем-то ее в крови оленьей вымазали. Искупались в луже или небольшом озере, прямо в одежде, и ушли, как пришли, оставив женщин на вершине. Они-то меня и попросили далее на их действия не смотреть, я ушел со стены, и поднялся в лабораторию, из которой мне было видно, что они разделись и долго катались на животе вниз по одному из камней, на который лили

воду из ручья из берестяных плошек. Похоже просили ихнего бога, дабы не оставил их чрева пустыми. Гостили они не долго и ушли. Не надоедали, не приставали с вопросами, тем более, что ответить я им не мог. Язык мне был совершенно не знаком. Нечто подобное я слышал во Внутренней Монголии. Из всего услышанного понял всего несколько слов: огыз (род, племя), буга (они так оленя называли) и заалуучууд (это они меня так окликали, что это означает – я не знаю). Так как агрессии они не проявили, то на следующий день я на коне спустился к ним, приторочив к коню два мешка с мукой, ее у меня было очень много. Меня интересовали их луки, плюс была надежда, что мне удастся приобрести пару человек в помощники. Брать мужчин я не хотел, а для работы по дому явно не хватало двух пар рук. Конечно, языковой барьер – суровая вещь, но бартер есть бартер. Его все понимают. Плюс у меня с собой было серебро, одна гривна с 16 насечками, рублями, и небольшой кошелек с монетами. Ну и два больших мешка муки. Ехал я в полном вооружении, в том числе, и с одним из пистолетов под мышкой. Если сзади не нападут, то может быть и отобьюсь.

Подъехал в тот момент, когда они снимали свои юрты и готовились идти дальше. Остановились они неподалеку от выхода на поверхность мрамора. Поздоровался я по-русски, мне ответили, и я повторил, что мне сказали. Затем похлопал по мешку с мукой и пальцем показал на себя, на них и снова на себя.

– Худалдаа? Салилцоо? Та юу хусч байна вэ? – я понял, что меня поняли, и показал рукой на лук, его тетиву и... Да чтоб я сдох! Вот та девчонка – явно русская! И мой палец уткнулся в нее.

Последовала непереводаемая игра слов и выражений, но принесли несколько луков, но все небольшого размера, такие у меня и у самого имеются. Я отрицательно помахал рукой и показал на лук одного из них, размером метра полтора, с колчаном и вертикальными надписями на монгольском. Переговорщик меня понял, но замотал головой и пальцем, вначале показав на мешки с мукой. Дескать, за такое количество муки этот товар не продается.

– Елико? – спросил я, именно так я расшифровал слово «сколько». Монгол или бурят подманил ту самую девчонку и попросил повторить меня: что я сказал. Девушка перевела, а дальше я сам понял. Потому, что было сказано: «найман алтын». Найман – это восемь, ну а кто у нас не знает такое замечательное слово как «алтын»?

– Голомя. – ответил я, отрицательно покачивая головой, и на руках показал шесть.

– Зургаа нь хангалтгүй, долоо! – и категорично показал руками, что торговаться больше не будет. Я сунул руку под кольчугу и вынул гривну, но монгол отрицательно помахал руками и еще раз прозвучало слово «алтын». Я сунул гривну обратно и вынул кошелек. Там были как золотые монеты, так и серебряные, и даже из сплава серебра и золота, электрума. Вытряхнув несколько штук на ладонь собирался отсчитать семь монет, но переговорщик взял одну большую монгольскую и две маленьких серебряных, подозвал воина с большим луком и что-то сказал ему. Тот снял через голову налуч с луком и колчан со стрелами. Я показал на тетиву. Запасные оказались в небольшой сумочке на налуче. При мне их предводитель деньги воину не отдал, так что я не узнал: сколько стоит такой лук, если его брать без посредников. Но я показал пальцем на «переводчицу».

– Елико? – после долгих объяснений и показа мне товара «целиком», с демонстрацией того, что лобок у нее уже покрылся пушком, и что-то вроде сисек наметилось выше, сошлись на мешке муки.

– Паки славяни ясти? – спросил я девочку. Она отрицательно покачала головой. Мы обнялись и потерлись щеками с вождем. Тот через девочку сказал, что осенью они придут за зерном, прежде чем откочуют на юг, я сел на коня и хотел подхватить девочку, чтобы посадить в седло перед собой, но сверху увидел, что ей предварительно требуется очень-очень хорошо вымыться. Насекомых у нее было море! Так что, не было печали, купила бабка порося!

Ей где-то одиннадцать-двенадцать лет, хотя могу и ошибаться, народец здесь довольно мелкий, я не в счет, у меня питание было неплохим. Семейство было, вежливо говоря, зажиточным и работающим. Я пока живу за счет их запасов и не бедствую. Она придерживалась рукой за стремя и быстро перебирала босыми ногами по каменистой тропе. Ходить босиком она умеет хорошо. Как со всем остальным – черт ее знает. Главное, через нее я смогу овладеть старославянским, пусть и не в полном объеме, но закончить перевод тех самых записок, которые достались мне по случаю. Я несколько раз оглядывался, проверяя: не пошли ли за нами их воины. Но, честно говоря, в этой «орде» их было совсем немного. Поднявшись на один из пригорков, я увидел, что мои опасения были напрасны: они уже покинули место стоянки и хвост их колонны втягивался в лес. Сами кочевники в лесах не живут, здесь им скот пасти негде. Это ничья земля, именно поэтому сюда и пришел «Алхимик».

Бензилбензоата у меня, конечно, нет, поэтому избавлялись мы от «непрощенных гостей» самым радикальным способом. Слез было море! Но куда деваться? Тем более, что саму ее эти гады кусали весьма регулярно. Зато я значительно продвинулся как в изучении языков за лето, так и в дальнейшей расшифровке записей. Заодно учил ее писать и на слоговом, и на буквенном алфавите. Ну, а через три месяца, убираясь в большой комнате, девица и выдала на-гора свою версию того, кто был «алхимик». Она нашла в шкафу пояс с золотой пряжкой и вензелем. Кожа ремня была зажата в золотых звеньях цепи. Кроме того, там же висела перевязь, которую простые воины одевать не смели. И, хотя она с девяти лет в плену, она прекрасно помнила, что в ее родном Переяславле она всего один раз видела такую цепь, когда в город приезжал князь Кий. Я лихорадочно вспоминал: кто такой Кий и когда он жил? По-моему, в середине 9-го века. Черт, ну и дела! Её родной город примерно в двух тысячах километров от этих мест! Ничего себе: путешествие! Ей, как она говорит, 14 зим. В плен ее с матерью угнали половцы, там их разделили, ее трижды перепродавали как невесту.

– А что ж тебя так дешево оценили? Мешок муки.

– Это еще дорого, порченная я, три года назад меня продали старому монголу. Он меня детства лишил, а я не понесла, и он меня снова продал, там понесла и скинула, после этого продали Байегу в подарок, ты его видел, а он толстых любит. Жен у него много, к себе меня так и не взял. Стала опять «казы», девчонкой незамужней. Говорил, что когда располнею, то перейду жить в его шатер. Продал тебе, а ты взял меня и остриг. Тебе я тоже не нужна. Оно и верно, ты – княжий сын, княжич, а мой отец кожемякой был да бурлачил на порогах. Так что, раба я твоя.

История довольно грустная, но она меня не слишком смутила. Я, собственно, ничего такого и не планировал с ней. Купил ее не для «утех», а из-за рук, их не хватает даже и после приобретения. Зато она точно сказала, что орда в этом районе одна, и с «алхимиком» у них были чисто деловые отношения. Он у них брал скот осенью, чтобы самому баранов не пасти, и продавал им излишки зерна, необходимые орде, чтобы пережить зиму. Поэтому мои путешествия по окрестностям стали более дальними и интенсивными буквально через месяц после ее появления. Потому, что одному хорошо, а вдвоем лучше!

В одном из них я посетил верховья реки Серебряной, так что дорогу туда теперь знаю. Сразу по возвращению, Мила или Милаша напомнила мне, что требуется начать косить сено и готовиться к сбору озимых, затем вновь пахота и сбор яровых. Она же разобралась: что я такое вырастил на малых полях, с готовых она собрала семена для посадки брюквы и репы. Они двухлетние растения и у них тоже существует севооборот, как и у зерновых. Я не стал мудрствовать лукаво, и сделал сенокосилку, с возможностью скашивать и зерновые. Но, тем не менее, папахать пришлось! И в прямом и в переносном смысле. Блин! Где бы трактор достать! И сеноукладчик! Нету! Вот там на сенокосе, на махавшись вилами по самое не хочу, я и предложил сбегать сполоснуться в реке, так как все вымазались в пыли и семенах. Иса – речка

довольно быстрая и холодная, но затишки и омуты там имеются, и неплохие. Я все с себя сбросил и бултых в воду, уже привык к местным условиям, да и вода не ледяная. Развернулся к берегу, а там по щиколотку в воде стоит моя «поляночка», так ее племя называлось, в чем мать родила. Поправилась, грудь появилась, а я и не замечал! Округлилась, где требовалось. Щеки румянцем налились. Прическа, конечно, коротковата еще, но волосы у нее растут быстро, да еще и локонами идут. Видя, что я на нее смотрю, она сделала пару шагов вперед, и с легким визгом съехала по горло в воду! Нет, чтобы спокойно стоять и мыться, попыталась вылезти наверх, но не получилось. Ее чуть отнесло в сторону, но тут везде полтора метра, не более. Чуть повизгивает от страха. Я подплыл, и я выше, помог ей встать на стык дна и откоса, где течение поменьше.

– Давай вперед, сейчас покажу, где вылезать! – там есть расщелина между слоями глины, с большим количеством песка, подниматься удобно. Я пошел первым, а она за мной, держась за мою руку. Я встал на песчаный откос, и вышел из расщелины, затем помог ей выйти из воды. Чуть прижал ее к себе и поцеловал. Целоваться она не умела. Все эти «игры» были для нее незнакомы. Весь ее «опыт» оказался совершенно бесполезным по причине взаимного желания. Увы, мое мальчишеское тело не выдержало напора страстей, но это лишь на несколько секунд остановило это «маленькое безумие». Все продолжилось еще в более энергичном движении, пока обоих не подхватила какая-то неистовая волна и не раздался крик или стон Милы, и она закрыла свои глаза, и крепко прижала меня к себе, обхватив меня и руками, и ногами. С берега реки мы перебрались в домик, и еще несколько раз сделали это уже на кровати. Это происшествие выбило нас из «графика» довольно основательно, так как при малейшей возможности мы повторяли вновь и вновь тот самый опыт, поставленный нами на пляже. Молодо – зелено! Гормональную нагрузку необходимо сбрасывать. Это было, есть и будет, надеюсь, в совместном проживании двух полов. Мы же все время вместе и никаких помех со стороны! Ну, разве что Никифор, жеребец, с которым мы большие друзья, «беспокоится», что ли. Привязывать приходится, чтобы не подходил и шумно не дышал. Скотина!

В общем, сочинение о том, «Как я провел лето», можно заканчивать, потому, как уборочная страда практически закончилась. Все корнеплоды, а они не пользуются популярностью у монголов, убирали уже осенью. Купили у них овец на зиму, так как никаких постов мы не соблюдали и, зная, что орда придет, основательно подъели барашков и подаренного оленя, который лежал в зимнике. Мила лепила великолепные пельмени, собрала кучу трав, «модных» у монголов. Я немного побортничал, но это тяжелейший труд, в условиях наличия большого количества меда в «закромах», я оставил это занятие, решив сделать ульи и поселить пчел туда. А заодно, занялся белой свеклой, которую я, оказывается, посадил и она дала приличный урожай. А это – сахар! Правда процесс его получения пришлось придумывать на ходу. Я его не знал, но постепенно допер до того, что делать. Последние несколько недель до наступления зимы занимался исключительно пережогом угля и добычей дегтя, фенолов и прочей гадости из угольных ям. Без этого производство стали и дельного железа встанет. А в «график» мы так и не вошли, и по-прежнему уделяем друг другу море времени.

Глава 3. Большой секрет в маленьком ящике

Но, секас не может заменить собою все, поэтому, подбросив дровишек в основную печь, утречком, с большой чашкой желудевого кофе, поднялся в лабораторию закончить размол магнетита, начатый несколькими днями ранее, дабы из него сформировать постоянные магниты полукруглой формы. Но, пардон, даже чашку на столе было поставить некуда. Пристроил ее на полочку, и занялся большой приборкой в помещении, начав со стола. Столешница у него набрана в шип, да еще и с подбором по рисунку. Очень качественная работа! Обожаю такие вещи! Очистив стол от всего «лишнего», решил отполировать его воском. После полировки с правой стороны проявились явные следы какого-то соединения. Еле заметные полосы представляли из себя «Г»-образную линию. Почесал «репку», замерил пальцами толщины, и понял, что там находится какой-то секретный ящик. Внимательно рассмотрев «коньструкцию», обратил внимание на «сучок» внутри тумбы, который был скрыт вставным ящиком. Повращав его большим пальцем, смог его провернуть: под сучком оказался металлический кружок с открытой прорезью, сильно напоминавший «французские замки». Те, которые с плоскими ключами. Прижав пластинку в сторону, рассмотрел профиль рабочей части. А ведь я этот профиль видел! Кольцо «алхимика»! У него под большим овальным камнем был «секрет»: стоило дважды нажать на пластинку, и она выдвигалась. Пришлось спускаться вниз и вспоминать, куда я положил вещи «алхимика». Вошел в нежилую спальню «родителей», там в стене находился «встроенный сейф», куда я и сложил все «драгоценности». Нашел перстень и вернулся в лабораторию. Повернул ключ, и из столешницы выдвинулась деревяшка в виде двойного «ласточкина хвоста». Я ее выдернул и сдвинул в сторону толстую «дверцу» секретного ящика. Такие вставки скрепляли всю столешницу, поэтому отличить «выдвижную», не зная об этом, было затруднительно. Четыре небольших кошелька по углам, потом посмотрим, и стопка пергаментов, вместе с берестой. Отдельно лежали четыре, я даже не знаю, как эта штукавина называлась, палки с набалдашниками и колечками, на которые был намотан свиток со шнурком. Развернув один из них, я увидел латинский шрифт и надпись «DIPLOMA». Все они были скреплены красной сургучной печатью, на которой я разобрал надпись на греческом «Θεόφ...ος» и далее не слишком разборчиво. На документе, ниже подписи, стояло и число ММММММСССХLII – так обозначался год, Augustus – это месяц, и XV – число. Диплом был выдан Магнаврской высшей школой в 6342 году от сотворения мира. Магнавра – это крыло Большого Константинопольского дворца, в котором располагался второй или третий в мире университет или атеней. Его ректорами были лично императоры Византии. Я не помнил, кем был этот самый Феоф...ос, но печать была именно «императорской». Ни хрена себе! Два других диплома были «докторскими», название наук мне ни о чем не говорило, в последнем, насколько я понял, «алхимику» предоставлялось право преподавать в этом университете. Именовался отец мальчика Александром из Муром, сыном «коназа Рysi» или Рокса или Рекса (там было три написания этого имени, но уже не спросить). Но и Александр – совершенно неславянское имя. Его явно «присвоили» «алхимику» во время учебы. Так что, кроме города Муром, все так и осталось за пределами моих познаний. И я начал разбирать «бумаги». На бересте «алхимик» писал «по-русски», беру в кавычки, так как это – руны, руническое письмо, а на пергаменте все было написано по латыни, но «латынь из моды вышла ныне!» – писал еще Пушкин, поэтому, кроме «си вис пацем – пара беллюм» я мало чего знаю. К счастью, у «алхимика» существовал «словарь», где он переводил латынь на руны, объясняя латинские термины, а обучение у него шло на латинском, обычным языком. Пришлось повозиться и составить обратный словарь, маленький, что-то вроде военного разговорника. Но, свой трактат, как выяснилось позже, Александр писал «по-русски», а затем переписывал это на латынь, да еще и с мудренными оборотами, видимо следуя каким-то нормам написания научных статей того времени. А трактат был пол-

ностью научным и был посвящен химии. Его, как и всех «ученых» того времени, попытались подтолкнуть к алхимии. То есть: сделать золото из «ничего». Вчитавшись, я понял, что он мне, человеку, рожденному в 20 веке, преподает именно химию! У него существовала «химическая сила»: от одного до семи. Он совершенно правильно определил «валентность», существовали простые элементы и их соединения. И, черт возьми! собственная таблица Менделеева, где был прописан «атомный вес». Я просто «сел на жопу» от этого открытия, в прямом и переносном смысле! Весь заготовленный Александром пергамент я пустил в дело, переписывая на русский (обычный) этот учебник общей химии. Что-то приходилось править, не без этого, но я переписывал гения! 9-й век, а он подсчитал атомный вес! Правильно расположил открытые элементы и оставил пустые места для еще не найденных. Мне именно этого «учебника» офигенно не хватало! И я понял: почему Александр Муромский не хотел уезжать отсюда, даже разбогатев: он хотел закончить свой великий труд! Но, неуч, по имени Ольг, его собственный сын, его убил, выполнив приговор времени! С этого момента кличка «алхимик» перестала существовать! Он был химиком, великим химиком. Он выполнил мечту алхимиков и получил золото из камня, найдя золотоносную руду и получив из нее золото. Золото из камня и из любых соединений и сплавов. Он изобрел «царскую водку» и нитровальную жидкость, смесь серной и азотной кислот, которой я и воспользовался для получения пироколлоида, того самого бездымного пороха. Не было бы его, Александра Муромца, я бы затратил хренову тучу времени, чтобы добиться этого. Мила носила мне поесть в лабораторию. Спал я не в «нашей» комнате, а на том топчане, где впервые проснулся в этом замке. Мила было решила, что я «приболел» или у меня «месячные». Но я, наконец, понял свое назначение в этой истории: если бы не факт моего появления здесь, то все бы это пропало! Та же самая орда, не увидев на стенах «сына» Александра, разграбила бы все и сожгла лабораторию, оставив только башню и организовав в ней буддийский храм. Мне требуется эта книга! И я ее писал. На это ушло полтора месяца. Я вел собственный календарь, основанный на фазах Луны, но с соблюдением Юлианского календаря, то есть, ежемесячно вносились поправки на величину календарного месяца. Даты весеннего и осеннего равноденствия, летнего солнцестояния я вычислил и пронаблюдал, когда появился нормальный мерительный инструмент. Плюс у шамана спросил: сколько лун осталось до 22-го сентября. Мои наблюдения совпали с точностью до одного дня. Это уже вполне достаточная точность. Закончив с писаниной, решил немного развеяться, и осмотреть теоретическое место, где можно разместить город. Для его начала требовалась река. Иса не годилась из-за наличия в ней золота. В замке большое производство было не расположить, даже если использовать в качестве привода паровую машину или двигатель внешнего сгорания: ручей был минерализован, и те же самые чайники быстро покрывались слоем накипи. Оставалась долина реки Вия, но она тоже золотоносная, особенно в нижнем течении! Здесь, как назло, практически любой ручей протекал через кварцевый выход. Место для города я определил в 9 километрах от замка, практически на юге, и 8 километрах от «станции Качканар». Два небольших холма позволяли создать там плотину, высотой около 5 метров, с достаточным подпором для первого времени. Выше по течению Вии мною золото обнаружено не было. Только в одном месте и совсем немного. Годится! И места под расчистку полей есть, с хорошим суглинком. Не хуже, чем на берегу Исы. Главное – это базис, поэтому начал делать заготовки для плугов, сенокосилок, усовершенствовал приводной механизм последней, повысив скорость движения ножей. Пробс в чем: вся экономика любой страны мира в это время зиждется на сельском хозяйстве, хоть убейся! Ремесленники изготавливают только то, что помогает либо производить продукты питания, либо их защищать. Товарное производство имеет только Китай, который через Персию торгует с Европой и со всей Азией. Это шелк и чай. И немного Византия. Ткани и серебро. Товарооборот – минус бесконечность. Да, люди на этом зарабатывают, но... Врезаться на Великий Шелковый путь невозможно, требуется войско, и не в количестве двух стволов. Требуется «товар», он есть: сталь из Качканара, для ее добычи требуются только руки.

А вот их – нет. Надо привлечь народ, но земли Полтавщины или Переяславля с местными суглинками не сравнить. Крестьяне и «землевладельцы» пойдут за 2000 километров от дома только в том случае, если им докажут, что тут они будут жить сытнее, чем там. Юг отпадает начисто! Их будет не уговорить. Остается север и восток новгородских земель. Почва там, в основном, торфяники. Урожайность: сам-три – сам-пять, максимум. И, самое главное, там брюквы нет, как класса. А картошку еще не завезли! И земля принадлежит князю и его боярам. А остальные ее могут только арендовать. Вот тут собака и зарыта! Я им могу дать землю! И технику в аренду. Требуются кони, а их можно и купить. Но все упирается в то обстоятельство, что на этой земле нас двое. Мила говорит, что будет трое, но этого момента еще ждать и ждать! Плюс, когда он или она вырастет? Да и видел я: чем заканчивается вопрос конфликта отцов и детей в это время! С деньгами – вопрос решаемый, зря я, что ли, самородок пер с верховьев Исы? 80 килограммов чистого серебра там есть. Рубль – это один и две десятых граммов серебра, это более 60 тысяч рублей. Я за отличный лук заплатил 10 граммов серебра. Обычный конь стоит в три-четыре раза дешевле. В общем, требуется искать «компаньонов», которые бы могли обеспечить первый выход в свет. Но, требуется иметь в виду, что иногда им проще перерезать глотку «хозяину», чем продолжать с ним бизнес. Здесь с этим просто! Но если сидеть на попе ровно, и ничего не делать, то можно уткнуться в ситуацию, что тебя прирежет собственный сын или отравит жена, которой пока нет. Мила, официально, рабыня. Её статус – минус бесконечность. Я, кстати, поинтересовался «who is who» «мамочка». Такие записи нашлись у убитой старшей сестры: мать в девичестве звали Аса, она была дочерью конунга Агдера, это самый юг Норвегии, мать которой имела прямое отношение Хлодвигу Первому, королю франков из династии Меровингов, первокоролей Европы. Бабушку звали Тихильдой, она пра-пра-пра-правнучка сына Хлодвига, короля реймского Теодориха I. Подобные браки были весьма распространены, и все проходило под покровительством императоров Византии, которые наделяли подобных «корольков» званиями в своей империи. Например, Хлодвиг имел звание консула Византийской империи. Себя «императоры» ставили еще выше этой «мелочи». Папа Римский сидел где-то на задворках истории и ни во что до поры не вмешивался, копил политический и финансовый капитал.

К сожалению, об отце Ольга почти ничего не написала, кроме того, что он немного не в себе, поэтому они живут в такой глуши, и что его имя при рождении: Стоум (мудрый, сто мозгов). Он, видимо не слишком часто с ней общался. Братец, скорее всего, свои записи сжег или спрятал, потому, что не нашел я ни одного кусочка бересты, написанного им. Письмена жены Александра Муромского я расшифровать не мог. Писала она латиницей, но на каком-то другом языке, кроме рецептов блюд, распоряжений детям, и писем, предназначенным какому-то Радмиру, насколько я понял, брату Александра. Они еще понадобятся, но позже. Их – целая стопка, и в них есть здравые мысли, но Венцеслава не понимала, что делает муж и приглашала сюда этого самого Радмира, чтобы он помог ей и ее детям, которые достойны лучшего. Насколько я понял, Радмир – младший брат Александра, который поставлен на княжение из-за отказа старшего заниматься этим вопросом. Так что, положение здесь очень запутанное, и в Муром можно соваться тогда и только тогда, когда будет: чем усмирить дядю. Да-да, всегда мечтал жениться на сироте!

Глава 4. Первые жители и первая стычка

Чуточку ближе познакомившись с семейством и их мыслями, я отложил это дело на потом, и занялся подгонкой средств защиты, ибо сидело все это имущество на мне, как на корове седло. А встречают здесь по одежке. Вот и пришлось городить подшлемники, шить из кусков кожи новые «боевые» перчатки, заняться сапожным искусством. Кстати, Мила с этим вопросом здорово помогла, так как она с детства собирала все для дубильного дела, и сразу похвалила тот самый состав, который здесь использовали для вымачивания шкур. С ее помощью разобрались в его рецептуре, ибо названий всех компонентов, даже записанных, я не знал, поэтому самостоятельно это дело освоить не мог. Она же оценила сделанные мной иглы для прошивки кожи, шила прямые и с крючком, для протаскивания нити. И механизированную прялку для производства нитей, как из овчины, так и из конопляной кудели. Летом, кстати, мы нашли ручьи, где вымачивалась конопля, но так как не знаем всех секретов ее изготовления, а никаких записок по этому поводу я не обнаружил, то просто перевернули несколько раз снопы и взяли из разных мест образцы, чтобы попробовать их размять. Валки для этого были. Но результата не было! Тут полный прокол, требуется кто-то, кто будет заниматься этим вопросом. Зима есть зима, кроме возни в лаборатории и мастерской, приходилось обегать владения и настораживать ловушки, переноса их все дальше и дальше от дома, чтобы под корень не подсекать популяцию кунных. В один из таких дней, уже в феврале месяце, я выскочил на проверку ловушек с четырьмя собаками и Никифором, который волок за собой розвальни с моим нехитрым скарбом: палаткой, спальным мешком, продуктами, и на нем предполагалось транспортировать туши более крупной добычи, ежели она попадется. Маралы и различные олени здесь не редкость, а разделявать их и таскать кусками – себе дороже. Волков никто не отменял, здесь их довольно много, но больших стай я не видел и не слышал. Сам я не верхом, а на лыжах. Для охоты я сделал С-96-9 с удлиненным стволом. Гильзу я не менял, просто не вальцевал дульце. У 7,62 останавливающее действие маловато для крупного зверя, вот и пришлось изгаляться, после того как осенью пришлось четыре дня бегать за подранком марала, которого удалось достать только с шестого выстрела. Поневоле пришлось заняться увеличением калибра, внешним «толстым» магазином и новым кобур-маузером, приставным прикладом. В общем, повторять мучения братьев Маузер, у которых этот пистолет не приняли на вооружение ни в одной стране мира, вот и пришлось рекламировать его как охотничий карабин.

Топая налегке, довольно быстро достигли границ участка, дважды переночевав в лесу. Вышли на кряж, с которого начинался спуск на западный склон хребта. Здесь неподалеку отличное месторождение киноvari, в сторону которого я и направился. Шел себе не спеша, спереди бежали собаки, сзади топал Никифор и чуть поскрипывали полозья розвальней. Вдруг собаки уткнулись носом в снег и принялись подлаивать, и крутиться вокруг себя, показывая, что взяли чей-то след. Побежал быстрее. Мать моя, женщина! Медведь! Следы медведя-шатун. Хорошенький подарок! В феврале, ближе к марту, у медведиц появляются медвежата, а старые медведи, недостаточно набравшие жира осенью, иногда просыпаются примерно в это же время, и представляют из себя большую опасность, в первую очередь, для спящих самок детенышами. Шатун ищет их берлогу и нападает на сонную мать, а потом пирует, доживая до весны именно таким образом. Другую дичь ему поймать не по зубам, ибо слаб и стар. Обычно осенью их «подбирают» волки, хотя и в феврале, тот же шатун может стать добычей большой стаи волков. Я выпряг Никифора из розвальней, шатун может атаковать и его. Свободный жеребец от него отобьется или отбежит, а с санями – медведь его задавит. И двинулся по следам, пустив впереди себя собак. Это было утро, медведь прошел не так давно. Бегу, стараясь не отставать от лаек. Через пару часов сделал небольшой привал, подозвав собак и успокоив Никифора, которому запах медведя не слишком сильно нравился. А через час, примерно,

после отдыха и очередной пробежки, собаки повернули круто в сторону спуска и залились лаем. Никифор остался наверху, а я спустился на лыжах со слегой, по дуге, и увидел офигительную картину: лежит мужичок, неподалеку пацан бежит с обломком пики, «фигвам» походный, из которого выскочила женщина с двумя детишками, а мои песики усадили ободранного медведя, с седой мордой, на задницу, и тот отмахивается от них лапами. Аккуратно прицелившись, я выстрелил медведю под ухо. Упали все, кроме собак, но мишка оказался только контужен и его пришлось добивать двумя выстрелами в ухо. Соберы бросились лакать свежую кровь, а я пошел в сторону лежащего мужичка, посмотреть: жив ли он? Остальные лежали пластом и даже не голосили! Напугал я их выстрелами до... медвежьей болезни. А мужик оказался жив, и вместо разделки медведя, я пошел за Никифором. Перед этим пришлось наложить шину на левую руку мужичка, в плечо, и немного его перевязать монгольским красным шелком, с пакетом из вываренной шерсти в качестве «ватно-марлевой подушки». И вставить ему обратно свороченную челюсть. Никифор появился сам, и ему приторочили раненого, и прицепили сзади разобранный чум со скарбом семейства. Парнишка знал несколько слов по-старославянски, женщина по-славянски не говорила. Но оставаться одной в лесу еще более страшное занятие, поэтому она сама встала на лыжи, помогла одеть их ребенку, и они двинулись за медленно поднимающимся в гору Никифором. Шли назад довольно долго, прежде чем смогли добраться до саней, там переложили раненого на розвальни, посадили туда уставшего ребенка, и двинулись обратно по следам в сторону дома. Все молчали, только иногда постанывал мужичок, который был слишком слаб, чтобы говорить, да и челюсть не позволяла. Так как на ловушки я не отвлекался, то через полтора суток я привел их к нижнему дому. Открыл его и затопил печь. Вместе с мальчишкой сходил на речку, где быстро просверлил лед на омуте, и мы набрали воды. Прокипятили ее и обработали раны пермяку, я промыл их карболовым спиртом, который стоял здесь еще со времен сенокоса. Охотник был плох, но сильного жара не было. Раны я очистил основательно, вытащив из них малейшие частицы меха и грязи. Но, это требовалось делать сразу, а не сейчас, по прошествии двух суток. Запретив даже прикасаться к раненому, я уехал домой, откуда вернулся через пару часов, вместе с Милой и какими-то препаратами, на которых были надписи, сделанные доктором Александром, с рекомендациями по применению. По меньшей мере один из этих препаратов был мне знаком: спиртовой раствор йода. Ну, а перекись водорода я сам сделал, и активно применял её уже более полугода. В общем, навоняли, все еще раз промыли, перебинтовали, накрыли его шелком, чтобы от грязных шкур дополнительно не заразился. Привезли им дров и продуктов, обещали заходить. И оставили их одних. А что еще можно было сделать? Никаких «косметических средств, типа сшивания ран для уменьшения размеров шрамов, я применять не стал, закрытая рана заживает дольше открытой, и она опасна именно своей „закрытостью“».

Жар у мужика начал спадать через неделю, долго заживала сломанная рука и несколько ребер. Возможность разговаривать у него восстановилась примерно через три недели, до этого только мычал или произносил что-то нечленораздельное. Ел только протертые каши и размоченный в овечьем молоке ржаной хлеб. Но его не бросили в тайге, а вместе с семьей привезли в приличный каменный дом и снабдили всем, чтобы выздоровел. К весне начал ходить, ногу ему медведь тоже подрал. Я ему снял шину, и показал, что делать, чтобы восстановить подвижность и силу. Говорил он на сильно искаженном русском, работал несколько раз в отрядах бурлаков, занимавшихся протаскиванием судов по Каме и Чусовой, которые приходили туда за солью для Новгорода. Он был в курсе того, что с чудью, пермяками, водью и другими племенами, проживавшими на Севере, новгородцы подписали мир на вечные времена, военный союз и беспопышную торговлю. Земли эти считались совместной собственностью. Пермяки немного отличаются от русских, антропологически, но отличия не слишком велики. Чуть позже они полностью ассоциируют себя с русскими, и вопрос об их «коренном» происхождении встанет

лишь тогда, когда возникнет вопрос о необходимости поделить единое государство на части. До середины марта, Тороп, который несколько раз поднимал вопрос, о том, что ему нечем заплатить за свое спасение, никуда не собирался, был слаб для перехода. Затем зашел разговор о том, что требуется вернуться домой, так как скоро сев.

- Тороп, ты же с сохой не справишься в этом году.
- Оно верно, Влад свет Саныч, Минай пахать будет.
- Пупок надорвет.
- 14-ть зим ему, слабой, канешна, да деваться-то куда.
- Можешь остаться здесь. Вон там свободное поле. Вас пятеро, две десятины дам. У меня здесь 90 десятин. Сам пользую только шесть, иногда восемь.
- Дык у мене, окромя портков, ничего нет туточки. Да и те – ты дал.
- Осенью отдашь все, что посеешь, плюс десятину с того, что сверху, за инструмент и лошадей. Летом сходишь к себе за остальным хозяйством.
- Тык, а скока берешь к осенинам?
- Сам-двадцать и более, с десятины двести – триста пудов, ржи озимой. Если по яровой считать, то 150 будет.
- Батюшки светы! Врешь! Стокмо не съест и не собрать.
- Я орду кормлю, они к осенине приходят и покупают у меня все излишки.
- Дань не берут?
- Сами платят, мясом. Ты мясо кушал?
- Кушал.
- Орда дает.
- Годи чуток, свет Саныч, с мене какой помочник, тебе ж, глянь, како поле поднять надобно. А тыж один и баба на сносях.
- Рожать ей после сева. А пахать? Завтра и начнем.
- Дык поле-то не просохло, соха-то не пойдет!
- Ты меня учить будешь, когда мне мое поле пахать? Сказал завтра, значит, завтра.

На том и расстались, но начинать пришлось не завтра, ибо дождь сильный прошел, который смыл все остатки снега, а через три дня, 2-го апреля. Тороп и Минай ходили вслед за невиданной машиной, Минай во второй половине дня сам водил коней, а на следующий день я им выделил молодого жеребчика и его мамашу, и они вспахали «свое поле». Вшестером отселились, а после этого нас с Милой пригласили на ужин. Минай зайца подстрелил из лука. Там Тороп и сказал:

– Сын Александров, туточки у мене мысля в голову пришла. Деревенька у нас махонькая, земелька уже пустая. А у тебе землицы море, да и хозяин ты крупкий. Возьмешь под длань? Я зараз смотаюсь к своим, расскажу, как мене подрали, и кто мене выходил, и чем ты пахешь землицу. Места здесь добрые! Зверья – ловить, не переловить. У нас сорок дворов, все, верняком, не придут. Но за половину я ручаюсь. Шо скажешь, Влад свет Саныч?

Знал бы он: насколько это предложение было своевременным, никогда бы не сказал! Но мы оговорили все, ведь каждый день сейчас год кормит. Ему пять дней пути отсюда туда и столько же обратно. В срок рискуем и не уложиться, так как любая задержка и прощай половина урожая. Решили, что начну я загодя для 20 семейств, в крайнем случае зерно не пропадет, так как летом с Минаем начнем элеватор и сушилку делать. Чтобы лишним не рисковать, то на 20 семейств распашем двадцать «десятин», двадцать гектаров. Место есть, тут и проверять нечего. Посажу рожь, пшеницу (ее монголы охотнее берут), брюкву, репу, два сорта свеклы, так, чтобы при любом раскладе до следующего урожая дожить, не собирая лебеду по углам. А если что, то покажем мужикам плуг и его возможности, распахав поля у реки, в теньке, для конопли, которую я в прошлом году не сажал. А она нужна. И для веревок, и на семя, которое очень хорошо клюют рябчики и перепела. Утром Тороп поднялся чуть свет и ушел в горы, оставив

все семейство на месте. Как он один через тайгу пройдет? Бог с ним! Прибавление рабочих рук мне только на пользу. Минай еще подросток, но уже многое умеет, кстати, прекрасный стрелок из лука. Через пять дней мы начали пахоту, затем заборонили все. Прошло 12 дней, но Тороп назад еще не вернулся, и мы все засеяли вчетвером, Мила уже работать не могла, крутилась только по дому. Я, тоже, внизу ночевать не оставался, предпочитая встретить «другую орду» у себя в «замке». Признаки появления людей появились на 17-й день, 21-го апреля. Тороп пришел, с ним 36 мужиков и 18 подростков. Восемь человек из этой толпы, явно, пришло сюда не для того, чтобы здесь остаться, а с совершенно другими целями. Сказал мне об этом не Тороп, его они пасли, а Минай.

– Волох и Крятной – нужные люди.

Слово «нужный» означало «плохой». Я это и сам видел. Единственное, что их напугало, что встретил я их в одежде Александра, повесив на грудь перевязь с малым мечом и подпоясавшись его ремнем, в котором Милаша признала княжий пояс. Поэтому от прямого убийства они отказались и решили, что атакуют из засады на тропе, ведущей вниз утром. Но я взял с собой «азиата», который сторонних на дух не переносит. Атака сорвалась, мы засеяли прибрежные луга, «восьмерка» лихих людей себя не показала, хотя в числе тех, кто был на месте, их не было. Отсутствовали. Днем с вершины горы прозвучал выстрел. Пока остальные крутили башками, я вскочил на коня, перерубил веревку, которой был привязан мой Полкан, и мы рванули к замку. За нами побежали и остальные. Мила, хоть и на сносях, наблюдение за окрестностями не прекращала, и, заметив изготавившихся к атаке «вурдалаков», применила имеющиеся у нее навыки владения оружием, свалив одного из них, ползущего к ограждению. Он был с оружием и веревкой с «кошкой», чтобы перелезть через стену. Рукой с башни Мила показала на место, где спрятались разбойники, и я направил туда «условно своих» людей. Бандиты не вытерпели, и попытались отбиться стрелами. И тут я спешился, и открыл огонь из «Маузера». Реакция всех была такая же, когда я стрелял по медведю! Обос... лись все! Люди здесь до смерти боятся грома, резких и громких звуков, и ведут себя как собаки, когда их начинаешь приучать к выстрелам: стремятся припасть к земле и куда-нибудь убежать, пока еще раз не громыхнуло. Волоха я убил первым выстрелом, а Крятного и пятерых поделльников мужики превратили в куски отбитого мяса. И после этого всех буквально прорвало на откровения!

Тороп уговорил людей сразу. Они вышли вовремя, но за ними кто-то, скорее всего, оставшиеся в деревне, послали шайку Волоха, которые шли за ними по следам, и за два дня до подхода ночью зарезали постового, а затем убили еще двух человек. Они задержали отряд так как несколько дней вели наблюдение за замком и полем, аккуратно, я их присутствия не обнаружил. Но атаковать не решились, решили приблизиться вместе со всеми. Пообещали, что если кто-нибудь вякнет, то прирежут и его, и его семью. Но я предполагал, что подобное может случиться и был во всеоружии, да и Мила не сплеховала. Той же ночью она родила мальчонку. Переволновалась, две недели не доносила. Ну, а я времени и повода терять не стал, с десятком самых решительных мужиков и парней сходил в село, и мы навели там порядок, повесив старосту и взяв с остальных клятву верности князю Владу Муромскому. Княжества в тех местах еще не существовало. Заодно сопроводили обоз с семьями тех, кто решил остаться жить во Владимире-на-Урале.

Глава 5. Вокруг замка на Змеиной горе

Из оставшихся мужиков я сформировал колхоз. Так получилось. Да и не был я заинтересован в появлении кулаков. Мне требовался «базис», за счет которого появятся «свободные руки». У колхоза нет необходимости постоянного расширения посевных площадей. Ведь выросшие сыновья, по старинному укладу, должны были наделяться землей и отделяться, что вело к обнищанию населения, если не увеличивать площади посевов. Здесь, на «свободной» земле, это приводило бы к гнездовому принципу расселения, когда рассвирепевший папаша отправлял на выселки одно семейство за другим, по мере взросления мужичков и появления снох. Да и мамаша семейства, тоже, не была заинтересована в появлении в доме еще одной «хозяйки». А ну как старый на нее глаз положит, и турнет «старуху», куда Макар телят не гонял. Тем более, что многоженство в этот момент существовало еще практически повсеместно. Вот и отселяли подальше молодых, организовывая целые поселения с одной и той же фамилией. А интенсивность производства от этого только падала. Мне это не интересно! Для меня важно, чтобы сыновья крестьян становились рабочими. Да и девицам тоже работа найдется! Так что, я вернулся из первого похода в Пермскую пятину чуточку раньше, чем сюда добрались бесправные, но горластые жены и дочери 29 глав семейств. И поставил их перед фактом, что земля моя, зерно – тоже, вспахано и засеяно мной, да еще и повоевать пришлось. Остальную площадь пахать поздно, только силы тратить. Высаженного, при совместном его использовании, хватит, чтобы прокормить всех, если вести общее, совместное хозяйство, а излишки, будем складывать вот в такой «элеватор», но назвал я его «ясли». Там будет сушилка, веялка и главный склад общества. И неснижаемый запас, как семенного зерна, так и продовольственного. Но, молоть ручной мельницей такое количество пудов – тухлое занятие! Да и за качеством не уследить. Естественно, что сразу мужики раздухарились построить мельницу на Исе. С двух пальцев! И каждый выдвинут вперед. Делалось это под меня, и реку я им в пользование отдавать не собираюсь! Место есть, требуется дорога и плотина. Где и будет мельница, и еще одно здание, назовем его лесопилкой. Строиться надо? Конечно! А материалы где брать будем? Задача облегчалась тем, что жили «угры» в то время в землянках, и только-только начинали осваивать строительство изб. Изнутри землянки обшивались досками. В общем, идею перегородить Вию и там строить «большую деревню» пришлось по душе, хотя обсуждали это довольно долго. Мужики вообще не доверчивы, и вначале сходили на место, выяснили, что дома с огородами там будут смотреться даже лучше, чем на бурной и быстрой Исе, и каждый выбрал себе место для будущего особняка. Нравилось им, что новый хозяин и себя не забывал, и о других заботился. Тем более, что их деревня была бедной, не просто бедной, а нищей. Солонец, задолго до появления их в той местности, захватило семейство старшины. Остальные начинали как работники у него: рыли землю, выбивали каменную соль, возили ее в тачке на мельницу, а в свободное от основной работы время добывали в поте лица себе пропитание. Хозяин им платил за работу солью. А куда ты ее денешь на соляном прииске? Товарно-денежные отношения в эту местность еще не пришли. Получается, что я увел у старосты работяг, да еще и повесил хозяина месторождения. А ничего не сделаешь, это же – рынок! Свободная конкуренция! Кто сильнее, тот и прав! Его невидимая рука придет и порядок наведет! Тем более, что собственное месторождение каменной соли и у нас имеется. С доставкой хуже, но мы на международную торговлю и не покушаемся, пока. В результате, сорок пять человек перекрыли за полтора месяца реку Вию, я же изготовил колесный привод для мельницы и горизонтальную турбину электростанции для лесопилки. Мельник имелся, который познакомил меня с необходимой конструкцией, все детали для которой ему пришлось заказывать в замке. А куда деваться? Кузнец здесь один, я. И весь инструмент, опять-таки, у монополиста. Чуть позднее, из Верхней Чусовой перебрались еще 16 семейств, поближе к старым приятелям, но это уже осенью. Когда

выяснилось, что суда через пороги протаскивать некому, и сын старосты пошел по миру, не выдержал конкуренции. Среди них был и кузнец, с которым мы образовали гильдию. Приход орды и осенние торги сподвигли меня начать тележное производство, которое и на Руси еще не слишком было распространено. Все таскали грузы на слегах. Старый бай Егу (звали его именно Егу) прекрасно понял, что может немного навариться на продаже зерна племенам казахов, и высказал мнение, что на чем-то требуется возить зерно. И что мешки у нас отличные.

– У меня коней не хватает, пригонишь коней, будут тебе телеги и зерно. – ответил я.

– Дело говоришь, заалуучууд Ал (заалуучууд – молодой, Алом они Александра называли). Будут тебе кони.

– Если из Хорезма, то возьму много.

– Хорезм, однако, далеко, будем думать. Пашаницу готовь.

– Пшеница есть, ждет тебя и коней из Хорезма.

Пермяки пшеницу практически не употребляли в пищу, кроме как в мантах и пельменях. Зато у них были свиньи. Еще черные, и на вепрей похожие, но мясо было нежнее, и сало не такое жесткое. Удивительное дело, но в следующий раз монголы привезли белых свиней на продажу. Из Китая. А черных купили себе. Бартер! Оказалось, что белых они не едят, кто-то там запрещает, а вот насчет вепрей никаких указаний нет, поэтому их – можно. В целом, что-то стронулось с мертвой точки, народ с запада потянулся, ибо язык до Киева доведет. Количество лиц мужского пола растет, девиц меньше, и свадьбы пока редкость. Но слух по Пермской пятине пошел. Так что скоро, очень скоро, следует ждать гостей иного рода. Просто так «властвовать» мне не дадут. Хотя неплохо получается!

В связи с наступившей зимой, все встали на лыжи и расползлись по территории. Многие отправились через хребет к старым угольям. Этому способствовала и удаленность наших уделов. Как уже сказано, все население было следодобытчиками. Причем не солеварами, а «шахтерами», они добывали самородную соль. Единственным продуктом, куда они могли истратить свои «заработки», была солонина из дичи, птицы и рыбы. И пушной промысел, ведь за хорошего соболя можно было получить другого товара почти на рубль. Но, у меня скопился весьма значительный запас шкурок, которые сбывать было некуда. А покупатели на него были! Воинский союз со славянами писался не просто так, от нечего делать. Новгородцев и псковичан интересовали только меха! Ну, и соль. У них существовали устойчивые каналы сбыта «мягкого золота» на запад и на юг. Зимой торговля мехом только ускорялась. Санные обозы по рекам бежали во все стороны, в том числе, по рекам Каме, Вятке и Сухони, добираясь до самых глубин с нетронутым зверем, где и обитали племена Коми. Были еще и ненцы, но отношение к ним было презрительное, их особо и за людей не считали. Их спаивали, с помощью медовухи.

Вот «мои подданные» и понесли правду о Владимире-на-Урале. На мою молодость особо никто и внимания на обращал. История с Торопом показала всем, что сам князь не лишен человеческих черт, и может себе позволить бесплатно выходить раненого, не дав и его семейству протянуть ноги. Значит – человек он взрослый и вполне самостоятельный. Тороп, после краткого курса истории ВКП(б) обучения его счету и письму, к тому же что-то он до этого уже умел, стал в колхозе учетчиком, взяв себе двух помощников из слегка грамотных подростков. Вначале зачудил, что девок туда не возьмет, затем уловил, что чиркать стилем по доске они могут даже лучше него и успокоился. Кончилось это, правда, тем, что у него появилась новая жена, так что не зря он отказывался работать в женском коллективе! Знал свою слабость к этому делу. Но, никакой редкостью это не было, те кто побогаче и могли себе позволить содержание еще одной или нескольких женщин, этим не брезговали, составляя значительную конкуренцию молодым и неученым. Так как он не полностью оправился после «драки» с шатуном, и помогал мне с переводом на пермяцкий (знал лучше всех славянский), то его назначение на высшую должность в общине прошло без проблем. Он пригласил людей сюда, и не обма-

нул их ожидания. К тому же, его дом был ближайшим от «замка» и находился возле полей. Остальным я селиться здесь запретил. Сюда приходит орда и разбивает здесь лагерь на какое-то время. Насколько я понимаю, это она приложила некоторые усилия, чтобы сжечь тут лес. Вполне возможно, что это произошло и против их желания, просто он загорелся.

Осенью, уже после осенины, заложили шесть угольных ям, чтобы с толком использовать отходы по строительству дороги. Так как появилась негашеная известь и ее гашеный вариант, кроме того имелась возможность обрабатывать гашеную известь хлором, то встал вопрос о получении бумаги, причем, не из волокон конопли, а используя «бросовую» древесину: осину, иву и подлесок. После запуска электростанции, там, в отдельном помещении, появились ванны для электролиза, в том числе, и герметизированные, так что открылись совершенно новые возможности. Но первое, что я начал конструировать был коверлок. Его конструкцию я знал от «А» до «Я», жена увлекалась шитьем и моделированием, поэтому «Janome 1200D» приходилось неоднократно разбирать, чистить и настаивать. Жаль, конечно, что я не замерял его деталей и допусков. Но одновременно со строительством электростанции в замке появилась ее «модель», мощностью 12 киловатт, с высотой падения воды в пять метров из отдельного резервуара. Воды хватало на 8 часов непрерывной работы, если не подключать дополнительный насос в два киловатта, который подавал заранее припасенную воду из «священного озера» за оградой. Суммарная мощность получалась 5–8 киловатт при непрерывной работе, в зависимости от времени года. Ручей менял свою мощность в зависимости от наружного давления, температуры и кучи других причин. Иногда из него выходило огромное количество газа, и он начинал шипеть, как разозленная змея. Да еще и обрамляли его «змеевики» – серпентиниты, так что «священным» его не просто так сделали. Монголы считали, что под горой спит огромная «эфа», самая грозная змея песков, и охраняет сокровища, спрятанные под горой. После появления электричества, я перевел все станки на электротягу, немного шумноватую из-за зубчатых приводов, но заметьте! Я смог сделать зубчатые передачи! А куда деваться? Резины нет, толстой кожи – тоже. Никакие бизоны тут не бегают. Есть восемь коровенок и один бычок, два – три поколения, и эта линия закончится. Генетика. Нам срочно нужен «выход в свет», но мы к выходу не готовы. Да, я отобрал 18 человек молодых парней, которые, как и Минай, мастерски владели луком. Был один старикан, который учил молодежь мечевому бою. Но, пардон, он был малость не в себе, здесь это не редкость, и его выкрутасы в реальном бою неприменимы, скорее всего. Меня учили совершенно другому: бой скоротечен, и требуется, без изысков, в кратчайшее время «дезинтегрировать» его участников. Лишить либо подвижности, либо жизни. Здесь же: танцы, пляски и прибаутки. Но хорошо учил маскироваться и бесшумно передвигаться. Это – ценно. Однако, против них будут действовать «дружинники», тот же самый «спецназ», которых, к тому же, учат с младенчества. Они сейчас исполняют главную роль «псов войны». Экономика микросообществ не в состоянии обеспечить функционирования регулярной армии, поэтому ставка властимушцами сделана на таких вот «псов войны», неубиваемых, универсальных, безжалостных, готовых за сребреник в день уничтожить любого, на кого укажет палец платящего. И которые легко перейдут в лагерь любого, кто заплатит больше. А через некоторое время эти самые «вои» предъявят свои права на кресло и место князей. Именно сейчас словене приильменские готовят приход на эти земли Рюрика и компании. Они же самые умные из всех! Им нужен воевода! И они ищут его. Ищут, чтобы сохранить свои привилегии и деньги. В их руках один из путей с севера Европы, где делают неплохую сталь, на юг, где много зерна, пряностей и серебра. Сами купчишки с детства учатся торговать, а не воевать, но знают, что купить можно и военную силу. Одно не понимают: попав в такой рай, «вой» будет стремиться прибрать к своим рукам все. Поэтому приходится отрываться от других, еще более важных дел и готовить людей, которые смогут удержать замок. А, следовательно, и мою власть над этими землями. Но чтобы содержать этих «бездельников», требуется «товар». Этот товар

у меня есть: целый отряд кунных имеет удивительные по качеству шкурки. Но этим торгует весь север будущей России! Конкуренция, а Зауралье – это далеко. Подсчитав количество женских рук в новом поселении, я и приступил к созданию машин, которые позволят нам выйти на несколько другой уровень в торговле. А старый бай привезет шелка. Любой расцветки. И длинные луки, которых пока в Европе нет. Еще один «товар» запускаем в производство.

А весной мне пришлось раскошелиться и купить весь табун, который пригнал Егу. И дать ему «сверху» 200 монет, чтобы он забыл о «подарке», Милаше, которую он решил у меня выкупить. Он же, с двумя моими купцами, повез первый сахар в Хорезм осенью, им, для всяких рахат-лукумов, он пригодится. Они его из Индии возят и платят золотом. Егу все это выяснил, образцы сахара он уже возил туда. Сахар индийский не рафинировался и не отбеливался. Это были бурые куски высохшего сока растения шуга, сахарного тростника, который не мог расти в Хорезме и окрестностях. У меня же были свиньи, которые с удовольствием потребляли жом свеклы, да и коровы им не брезговали. Ходили слухи, что и люди прикладывались к потреблению этих отходов, но они из него брагу готовили. И не для себя, а скупая за этот суррогат шкурки у ненцев. Я свой «самогонный аппарат» никому не показывал, хотя использовал его для получения спирта и других легкокипящих жидкостей. Северяне, в том числе и коми, весьма слабы к потреблению этого «напитка». Им и пива хватает, чтобы набраться в стельку. Алкоголь у них плохо выводится организмом. Ферментов каких-то не хватает. Поэтому производство спиртов у нас под запретом.

Три года пролетело, как один день! Во Владимире начали открываться школы, но с изучением буквенного алфавита, рунное письмо давалось как иностранный язык. Появились курсы по обучению кройки и шитью для женщин и значительно увеличилось производство крицы и чугуна, руду для которого приходилось подвозить на телегах с двух месторождений магнетита. Местная руда для него не годилась. Население увеличилось до восьми тысяч человек. Пришли и три семьи славян. Скорее всего, их прислали немного пошпионить, потому, что было еще и четвертое семейство, которое через полгода подалось обратно в Новгород. За всем не углядишь, да и не было у меня желания милитаризировать княжество до предела. Моих «архаровцев» вполне хватало для поддержания порядка и взимания налогов. Внешних врагов не было, хоть убейся, хотя и я времени не терял, и разрабатывал кое-что, чем встретить дорогих гостей. Просто время тут течет неспешно. Расстояния огромные и полны «неприятностей», в виде дикой природы, зверья разнообразного и непроходимых болот. За счет одного из таких заросших озер, мы очень неплохо приподнялись на торговле с Персией. Представляете себе круг, радиусом 50 километров, заросший клюквой? Он у нас есть! Конечно, там, где ещё сохранился круг озера, глубины совершенно невероятной, там клюву не собрать, но все остальное давало тонны этой ягоды. Она спасала всех от цинги, и шла на экспорт! И моченая, в бочках, и в сахаре, которая ценилась на Востоке намного больше. И хранилась по несколько лет! В общем, вожди пермских племен написали челобитную в Новгород, что некий самозванец, именующий себя князем Владом Муромским... Чего они только там не написали! Воск все стерпит! Главное: обезлюдил пермский край и даже на налоги теперь собрать нечего. Челом бьем, избавьте нас от этого чудища поганого! Вот так я и стал Пермским Драконом или Змеем Горынычем. Кстати, то что живу на Змеином Ручье, тоже, вошло в список преступлений. Любят у нас жалиться и доносы писать. А потом удивляемся: «А кто четыре миллиона доносов настроил?». Свои, свои. Уж лучше было бы, если они были чужими.

Глава 6. Норманский оселок

Ну, дело не слишком спешное, пока донос доставили, пока его рассмотрели, пока считали недополученную прибыль, наконец приняли решение и отправили на Урал новгородскую дружину. Двести конных, половина из которых были наемниками из Пруссии, не так давно прибывшими в Новгород на службу. Их предводитель, мечтавший прибить свой щит на врата Цареграда, где можно было взять на меч хренову тучу серебра, накопленного в течение многих веков императорами, конечно, воспринял это путешествие как почти оскорбление: гонять какого-то самозванца, но ему в корчме на стол положили увесистый кошель посланцы от вождей комяков. Вес которого превышал годовую заработную плату воеводы. Аргумент серьезный, столько же обещали выплатить за голову самозванца, так что игра свеч стоила. Зимой 863 года дружина тронулась в далекий путь, сопровождаемая целым обозом со жратвой и питьем. Пермский край оказался у черта на рогах, уже давно кончились города, да и деревень стало совсем мало, прошел паводок, а Кама все тянулась и тянулась. Чуть позже выяснилось, в деревне у слияния Камы и Чусовой, что требуется идти еще дальше, перевалить горный хребет, и там находится Владимир-на-Урале. Дали проводников. Но мне о появлении рати стало известно, когда они еще шли вдоль берега Камы. Новость была шокирующей для всех. Большинство моих «мужичков» смертельно боялись «воев», закованных в латы. Поэтому на них надеяться не приходилось. Нас же было 18-ть человек, считая меня самого и Милу. Ну и Тороп к тому времени уже давно оклемался от встречи с шатуном и не собирался просто так отдавать «нажитое непосильным трудом». Остальные реально понимали, что силенок у Муромца – кот наплакал. Их, максимум, выпорют, и назначат им нового наместника. «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат!» Я тоже понимал, что в открытом бою моих мальчишек просто сомнут и... Шансов у них нет. Но! Придут они с юго-запада, и в первую очередь выйдут к полям. Причем, именно поля их больше всего и интересуют. Их постараются вытоптать, чтобы нанести самый большой удар по экономике края. Что такое «ясли» они не знают, да и в стороне они от полей, в междугорье, и оттуда не видны. А влажный пироксилин имеет гнусную привычку становиться нормальным бризантным взрывчатым веществом. Вместо нормального горения он взрывается, особенно, если его подсолить, а в качестве запала, кроме взрывателя, добавить сухого пироксилина, склонного к детонации. Мой пирокolloид свободен от этого недостатка, спасибо Менделееву, но он получается из пироксилина. Я его растворяю, и после этого сушу и режу, что вполне безопасно. Для очередной партии пороха я убрал последнюю операцию, немного поэкспериментировал с количеством соленой воды, нарубил и наколол стали и чугуна, сунул все это дело в горшки, залил асфальтом, воткнул по несколько детонаторов и прикопал их, горлышком вниз, на границах полей, которые окружил проволочным забором. На проволоке висели таблички на трех языках, на которых было написано: «Кто сорвет хоть один колос без разрешения князя Муромского или пустит траву, будет разорван на куски!» и украсил сие произведение искусства черепом с костями и личной подписью. Своих предупредил, что пока здесь с новгородцами не разберемся, на поля не ходить. К проволоке присоединил натяжные и растяжные взрыватели. В целом на это дело ушло почти 80 килограммов пироксилина и без малого центнер железа. Все 26 человек собрались в замке.

Здесь было девятнадцать человек, собирающихся драться, три женщины, трое детей и младенец. Милу, как женщину, я не считал, она вполне умело пользовалась карабином и пистолетом, и отсутствием духа не страдала. Тороп тоже был настроен по-боевому, и сжимал в руках дальнобойный лук. Он был одним из лучших стрелков из лука. Луком все мои дружинники умело пользовались, но, кроме всего прочего, каждый из них имел либо 9-мм, либо 7,62 мм карабин. И стрелять они умели, хотя на виду этого никогда не делали. Стрелять мы уходили

за хребет, чтобы не приучать жителей к этим звукам. Но «первопоселенцы» знали, что такое оружие у меня есть и серьезно опасались его.

Прошло три дня, с момента, как закончил установку мин. Делал я это один, и пришлось повозиться, ни один из моих «аскеров» минное дело не изучал. Я уже начал волноваться: ози-мые вот-вот начнут желтеть, и их тогда можно будет просто сжечь. Если их воевода умный и собрал обо мне сведения, то возможен и такой вариант их действий. Но в тот же вечер на тропе, которая вела в Верхне-Чусовую, взлетела красная ракета-растяжка, которую там поставили после запрещения движения по этой тропе для местных. Так что, идут, просто медленно. Тропа не слишком приспособлена для всадников. Они появились через полтора суток и именно там, где мы их и ждали. Их лазутчики сорвали еще две растяжки на двух из трех тропок, которые вели к замку и отошли, чтобы не попасть под вылазку. То есть, данных о том, что у меня в замке минимальный гарнизон у них нет, раз опасаются. Но первую «сигналку» лазутчики обо-шли, там были только растяжки. Ну, а нажимная, с которой они еще не сталкивались, срабо-тала. Мы с Милой наблюдали за войском со второго этажа лаборатории, остальные с помостов вдоль стены. Один из воинов снял табличку и отнес ее на опушку леса, где, видимо, находился их воевода. Ученый! Сам в первых рядах к препятствию не подходит. Но, табличку они про-чили и рассвирепели, человек 20 конных отделилось от дружины и обнажили клинки, решив прорубить заграждение. Четверо понеслись к дому Торопа, но не успели, как только меч пер-вого идиота опустился на проволоку, раздалось два мощных взрыва. Потери понесли не только передние двадцать человек, но и плотная толпа всадников, гарцевавших в 50-ти метрах от места взрыва. Знал бы, что они там соберутся... Увы!

Потери понесли и те четверо, которые скакали к дому Торопа: три лошади и двое человек не встали после взрыва. Несколько лошадей понесли всадников не туда, куда рванули все, и громынуло снова. Площадка перед полями очистилась, на ней только ползали раненые, да пытались подняться на ноги кони.

После такого, нормальные люди собирают манатки и бегут в сторону дома, но эти оста-новились в лесу, у них был громкий спор и войско разделилось: больше половины оказались «нормальными», они повернули домой, а человек 60 остались в лагере. Говорили они на древ-нерусском, но с каким-то акцентом. Скорее всего это были пруссы-наемники, для которых этот проигрыш, «в таком простом деле», грозил концом их карьеры. Хорошая мотивировка, но они еще всего, самого страшного, не знали. Их лагерь был виден с башни, а я эту местность знал гораздо лучше их. В том числе: дистанции, между мною и ими. Поэтому я спустился с башни вниз, и пошел в мастерскую, где стоял, сложенный на металлические колеса, 120-мм миномет. Мне помогли его установить, и я выровнял его по уровню, отгоризонталит. Набросил на мину три колечка с дополнительным зарядом, навелся по высокой сосне на вершине Качка-нара, и рукой позвал своего ближайшего помощника Миная. Он, единственный, мог работать за наводчика и заряжающего этого «монстрика». Он знал и мог выполнить мои команды. Я проверил, что он готов, и полез на башню, где была установлена простейшая буссоль. К сожа-лению, пока без оптики. Шлифовать линзы я еще не умею. Учусь делать пасту ГОИ.

– Огонь! – подал я команду, и Минай дернул за веревочку и слегка присел, чтобы газами не зацепило. Выстрел из миномета не слишком громкий, хлопок, поэтому «пруссы» на него не среагировали, продолжали стоять кружком и смотреть на то, что рисовал на земле их «вождь». Мины были снаряжены влажным черным порохом.

– Меньше три, влево пять, огонь!

Второй раз пукнул миномет и мы попали точно по костру. Но вои в этот момент пыта-лись удержать рвущих поводья лошадей, которым сегодня выпало настоящее испытание. Боль-шинство лошадей оборвало привязь и унеслось в лес, выскочило на тропу и рвануло по ней догонять уже уехавших русских. Чего я, собственно и добивался. Всадников я спешил. Огонь

мы прекратили, а через час возле замка запела труба, прибыли парламентары. Я послал Миная и троих дружинников. Они коротко переговорили, и один из моих побежал обратно.

– Руссы просят пропустить в замок одного человека для переговоров с глазу на глаз с Вами.

– Как они меня называли?

– Вождем.

– Передай им, что они оскорбили князя, и лишили себя права на жизнь.

– Есть! – коротко ответил Зар и побежал обратно. Я же дал команду готовности на миномет. Там, куда он был нацелен, еще двигались фигуры и что-то перетаскивали. Но дальнейшее перечеркнуло эти приготовления: вой, который вел переговоры, опустился на колени и протянул Манаю свой клинок в ножнах. Двое других развернулись и пошли прочь, той дорогой, которой пришли. Сдавшегoся парламентаря вели к калитке. Это могла быть хитрость, но за эти пять лет я научил свое новое тело делать все, что я умею. Некоторые вещи «тело» делало не хуже, чем я это делал в молодости, когда был «групппером». Что делать, будем говорить, они, похоже, согласны на все, лишь бы уйти отсюда по добру – поздорову. Законное желание для наемников, которые рисковать своими жизнями не хотят ни за какие коврижки.

В крепость я его не пустил, если придется отпускать его для передачи моих требований, то он не должен ничего видеть там. Во-первых, парламентар был ранен, причем в правую руку, а левой он действовал «как правша». Во-вторых, он сдал все оружие.

– Помогите ему снять бронь. – сказал я, выйдя из калитки.

– Лепший княже, дозволь вину свою смыть поперед. Напраслину на тебя не я возвел, ее огнищане пермяцкие грили. Воевода наш Юрик – ранен, слова казать не может, кони разбежались. Трувор, брательник его младшой, разорван на куски у жнивы. Синийус длани лишился, помрет вот-вот. Юрик желал, чтобы мы не брали на себя позор, а бились с тобой. Он власти жаждет над Новым градом. Грил, что коли не принесем туда голову твою, так сами без них останемся. Так и будет. Вот я и решил роту на рядность дати, тебе княже, ибо вижу, что ты рядом из лепших людей, и право на всё это и всех своих людей имашь.

– Я не совсем тебя понял, говоришь ты странно, откуда вы?

– Мы – пруссы, с Поруссии, из Трусo. Входили в дружину Рогнара Датского, да в крайнем походе он не расплатился с нами, и мы ушли от него. Решили идти на Ильмень и там поискать своего счастья. Видимо нашли его, так как я только ранен.

– Ладно, живи, поможешь Торопу спаленный дом отстроить. А там решим, что с тобой делать.

Мы сели на коней и двинулись прочесывать склон, по которому можно было спуститься к лагерю пруссов. Юрик, больше известный под именем Рюрик, имел ранения в грудь и живот, и принял яд, чтобы не мучиться. Двенадцать, не разбежавшихся, человек сняли еще до нашего прихода с себя броню, сложили свое оружие, и сидели вокруг двух тел своих предводителей, пустив между собой по кругу большую флягу. Трупов и раненых было 20–25 человек.

– Где остальные? – спросили мы у них.

– Коней ловят, думают, что сумеют прорваться на Русс. Ты можешь нас казнить, князь. Пути назад нам нет. Новгородцев пощадят, а нам головы с плеч снимают. Никто не поверит, что мы не смогли усмирить кучку крестьян. Огнищане пермские знают, что у тебя 20 человек в дружине.

«Вот это – плохо!» – подумал я и понял, что придется увеличивать дружину. Заодно и разобраться с этими «огнищанами». Это – главы родов и племен пермяков и коми. Тем не менее, победа была полной! Те, которые унесли отсюда ноги, второй раз сюда не сунутся. Дружина Новгорода расколота, дружинники-словене в бой вступать просто отказались. Года два-три мы у судьбы отобрали. Раньше организовать сюда экспедицию Новгород не сможет. Кстати, и серебришко, полученное Юриком за поход сюда, оказалось в моей казне, правда его пере-

плавить пришлось, чтобы избавиться от меди и прочего мусора. Жмоты сидят на монетных дворах. Монеты так не делаются!

Глава 7. В этом мире все совсем не просто!

А вот новгородцев я недооценил! Не прошло и шести недель, как мне доложили, что в нашу сторону движется небольшой отряд: примерно двадцать человек дружинников и два или три боярина, или старейшины. В покое нас не оставили! Видать, крепенько мы их укусили за причинные места в Пермском крае, раз вслед за дружиной бояр послали. Хотя, намечался дележ имущества, здесь-то бояре доки в этом вопросе! Одаривать пермяцких старшин им не с руки. Плюс меха у них на рынке не появились, а они владеют путями сбыта. И третий путь им совсем не нужен! А гости сейчас совсем некстати! Уборочная идет, сенокос в разгаре. Впрочем, пусть полюбуются, почему крестьяне сюда валом валят. С учетом того, что только вервей, общин пермяцких, сейчас в крае уже за сотню, то посмотреть есть на что! Подходили они осторожно, впереди себя гонца прислали, что идут с миром и посланием. В общем, с дипломатической миссией. Благо, что в старые добрые времена послов, кроме собственной стражи, никто не охранял, и могли быстренько отрубить голову или четвертовать, еже что не так скажет. Тяжелая это была работа, и очень опасная! Но и мне пришлось готовиться к этому мероприятию, благо, что теперь у меня есть послух, свидетель, торговый агент бая Егу и трое персов, один из которых говорит на латыни и немного по-русски, который знал Александра и кто он такой. Меня – нет, но знакомил нас бай Егу. В принципе, мне абсолютно наплевать на то, что они там выдумают. Реально пока Новгород угрозы не представляет. Гонец производил впечатление не самого простого человечка, и настойчиво хотел встретиться именно со мной, и лучше всего в замке. В замок я его не пустил, квадрокоптеры пока не изобретены, стены – выше крыш, и кроме центральной башни с надстройкой, никто ничего увидеть не может. Зная расположение строений можно легко вызвать пожар во внутренней части замка. Деревянные стены стоят последние годы, мы уже приступили собирать «змеевит», чтобы обнести замок еще одной стеной.

– Говорить будем здесь, шатер для этого будет поставлен. – я показал место, где будут проходить переговоры. Сказал и пошел обратно в замок, а гонца остановили дружинники. Гонец еще хотел, чтобы позволили посетить Владимир, но и в этом ему было отказано до начала переговоров. Все зависит от поведения послов. Их воев остановили за двести метров от алачючи, у которой были приподняты пологи, чтобы и охрана послов, и моя охрана видели, что происходит внутри. Две стороны этой большой палатки были опущены, чтобы туда не попадало солнце и ветер. По этикету я принимал послов сидя в своем кресле. Мог пригласить их присесть, а мог и заставить их стоять. Верительных грамот у них не оказалось, разговор можно было прекращать.

– Я не понимаю, зачем вы прибыли сюда, если не имеете полномочий от главы Новгородского княжества. Тем более после того, как ваша дружина попыталась нанести ущерб моим полям. Насколько я понимаю, никаких извинений и возмещения ущерба вы не привезли.

В том мире на «Вы» было принято разговаривать только с врагами. И мою враждебность оба «посла» почувствовали. Они поклонились, не произнеся ни слова, и задом последовали из палатки. А старшим у них оказался более молодой «гонец».

– Светлейший князь, оба боярина действовали по моему приказу. Я – глава гостевого приказа Новгородского княжества, действую по приказу посадника Новгородского и Изборского Видогоста. Я имею грамоту от него. – он протянул мне свиток, скрепленный посадской печатью.

Новгород в те годы располагался на другой стороне реки на небольшом острове, образованном реками Волхов и Малый Волховец, на котором стояла небольшая деревянная крепость о девяти углах. Располагалась она на месте древнего Городища. Именно эта крепость и считалась Новогородом или Новгородом. Много позже здесь будет располагаться Детинец,

место проживания князя Новгородского. Несколько деревень, около 15, вокруг города и содержали его жителей. Сами счастливые горожане в крепость не допускались. Крепость была «таможенной», официальной столицей княжества была еще одна крепость, которая сейчас носит название Старой Ладogi. Почему возник Новгород? Да потому, что сразу за ним начинались земли кривичей, которые пришли сюда первыми, еще в V-м или IV веке и построили несколько городов: Изборск, Полоцк, Смоленск и Псков, как ни странно. Археологи в Пскове свободно ковыряются в слоях I-го века нашей эры, и говорят, что это еще не предел! Но кривичи пришли откуда-то с юга и несколько отличаются от остальных жителей этого края, в первую очередь узкой и высокой головой. Но Пскову, который достигим с моря, хронически не везло! Его жгли с завидной регулярностью. Изборску доставалось меньше, но и там следов пожарищ вполне достаточно. Современный Старый Изборск стоит южнее изначального Изборска. Постоянные атаки викингов и вепров, таких же морских разбойников, как и викинги, привели к тому, что власть имущие решили, что старые вожди и воеводы не справляются, давайте заведем новых, проверенных, этих самых викингов или вепров и позовем. Грабить они нас будут, но немного иначе, без того, чтобы сжигать город. О системе Кадочникова и о русском стиле тогда даже и не догадывались, серверы находились вне доступа, а наладонников себе не могли позволить даже короли. Их просто не было. Но, если до этого страдали только приморские города, то уловив ситуацию, что славяне просто перестали в них селиться, пираты стали совершать конные рейды и грабить уже глубинку. А я, такой-сякой нехороший, сорвал подписание мирного договора с бандитами. Не пустил их организовать здесь «крышу» и прибрать к рукам все, что сделано нашими предками. Как мне не ай-ай-ай! Но, проверяли меня на варяжском оселке!

– Ну, что ж, господин посол Твердыта. Что вы мне хотели сказать?

– Вы действительно являетесь потомком князя Владимира Муромского? – посол аж прищурился, понимая, что может лишиться головы, стоит мне подать знак охране.

– Да, мой дед основал город Муром. Сам он был из Изборска.

– У Владимира было три сына. Кто из них ваш отец?

– Александр.

– У князя Владимира не было сына Александра.

– Да, в Изборске и в Муроме его знали под другим именем, так же, как и его отца. Влади Миром он стал через три года, после того, как основал Муром. Отец носил имя Стоум, а Александром он стал в атенее, в Византии, в Константинополе. У меня есть диплом отца, в котором есть имя деда.

– А я могу увидеть его?

– С какой целью?

– Мне придется объяснять в Ладоге посаднику и на вече, что вы тот, за кого вы себя выдаёте. И приносить клятву о том, что есть неопровержимые доказательства, что дружина разбита князем Муромским, последним представителем первокняжеских родов в нашем княжестве. И еще, от этого зависит предложение сесть на стол. Прошу меня простить за мою назойливость, но мне было поручено найти живого и находящегося в детородном возрасте представителя родов первокняжих. Я потратил на поиски 12 лет. На все роды кто-то порчу наслал, за 36-ть зим умерли все князья и их сыновья всех трех родов. Неизвестно было только куда ушел князь Стоум, который отказался от княжения в Муроме в пользу младшего брата двадцать лет тому и покинул город вместе с женой, сыном, дочерью и младенцем. Когда доставили донос, я был в отъезде, но успел переговорить с Посадником, и мы приняли решение все как следует разузнать. К несчастью, из четырех человек, которых мы посылали сюда, вернулся один, который сказал, что правит здесь сын какого-то Александра, кто такой – неизвестно, регалии имеет. Речью кривицкой не владеет. И тем не менее, посадник дал команду действовать аккуратно, вреда князю не наносить.

– Врешь ты все! Дружина имела приказ доставить в Новгород мою голову, остальных убить на месте. Половину суммы она получила в Новгороде. У меня есть пленные, которые это и рассказали.

– Не гневайся, княже, дозволю подозвать сюда боярина Всеволода, он наш воевода и действовал, как велел посадник. У него есть грамота, данная ему при отъезде. Убить тебя хотели пруссы. Они всего год как нам служат, это их первый поход.

– Хорошо, зовите Всеволода.

От дальнего стола, где был выставлен квас и закуски, отошел невысокий человек в алом плаще с оторочками, без оружия и брони. А говорили, что воевода! Ладно, послушаем треп дальше. Он поклонился как положено, и передал в руки Твердыты свиток, который был пробит чем-то и порядком измазан кровью, в основном, с внешней стороны.

– Читайте! Число и печать посадская.

– Которая лежит у вас в кармане или обозе.

– Кровь моя, вон там вот твоими громами, князюшка, все кольчугу попортил. – воевода распахнул кафтан, под ним, кроме намотанных тряпок ничего не было. – Это я увел дружину, так как пруссы покусились на твое добро, княже. И слухи ходили, что в Ладого, в корчме, Рюрик взял мзду за твое убийство.

– Эту «охранную грамоту» я заберу. Сейчас поднесут угощение, потрапезничайте, а я тут по делам отойду, боярин Твердыто.

Мое место занял Минай, но не сел за стол, а остался стоять возле кресла и отвечал на вопросы боярина и воеводы. Их, естественно, больше всего интересовал вопрос: каким образом удалось разбить дружину. Но Минай только говорил о том, что мы – люди мирные, хозяйством занятые, воевать нам не сильно требуется, но «наш бронепоезд стоит на запасном пути»! Яств на столе было предостаточно, и, пока я извлекал из тайника пергаменты, четверо «гостей» потребляли поросенка с кашей, квас и медовуху.

– А у нас вина есть, мозерские. – похвастался один из бояр, но Минай недоуменно развел руками.

– Вина у нас имеются, персидские, но используются как добавки к поджарке или для приготовления мяса.

Подошел я, и мы перешли к другому столу. Бояре предварительно сполоснули руки и вчетвером вчитывались в витиеватый почерк писца. Твердыто свернул свиток, присел на одно колено и передал его мне. Почти синхронно с ним присели и остальные, прижав правую руку к сердцу.

– Так как ты, Владимир, один остался, прими нашу роту. Верны тебе будем до самого овра.

– А потом убьёте моего потомка, чтобы самим сесть на стол? – бояре переглянулись, клятву произнесли, упомянув потомков. Я свернул переговоры, отправил всех вниз, обустривать лагерь посольский, после обеда пригласив всех бояр взглянуть на строящийся город.

Но бояре – они не пальцем деланные, с высоты Змеиной прекрасно видно, что происходит на полях, и это их заинтересовало в первую очередь! Своя рубашка всегда ближе к телу, хотя десяток дружинников скужающим взором наблюдал за открывшейся картиной. Они – люди служилые, и свои денежки получают из другого кармана. Им вся эта пыль и шум были не интересны. Хотя невиданные машины произвели некоторое впечатление и на них.

Конную тягу я пока ничем не заменил, так как делать паровики с открытым циклом и для подвижного состава – себе дороже. Две такие машины работали: одна на погрузке зерна, вторая крутила веялку. Обслуживало их два человека: машинист и его помощник. Успевали, хотя раньше их было шестеро. В «яслях» там машин побольше, часть из них уже более совершенные, с тройным и четверным расширением, но там без них не обойтись, а с электричеством у

нас пока напруг, довольно серьезный. «Большую плотину» у горы Качканар мы только-только начали строить. Там требовалось насыпать 1.354.086 кубометров грунта. Или 451 куб на каждого мужчину или 170 кубов на каждого человека, включая младенцев. Вагонетки для этого мы сделали, и электровозик приспособили. Сделали высокий мост, с которого и высыпали бут. Дело продвигалось, медленно, но решительно. Народ уже сообразил, что электролесопилка и электродрезина, прообраз трамвая, дают возможность подвозить к домницам все. Но сейчас лесопилка работает только ночью, так как мощности на все не хватает. Либо-либо. Больше двух дрезин просто не запустить. Тем не менее, выпуск стали и чугуна растет, но идет пока только на собственные нужды, не считая мелочей для населения. Я же экспериментирую с попытками получить цельнотянутую трубу для перегревателей. Максимум, который удастся получить – два метра длиной и диаметром 2¼". Монструальная трубочка, но уменьшаться в диаметре не хочет. Есть, конечно, способ сделать и из таких машинку, но время не поджидает. У меня появилось два отличных помощника и куча подмастерьев, из которых, вполне вероятно, смогут появиться настоящие спецы, поэтому ни к чему подгонять время и делать «УГ». Приезд и предложение новгородцев меня пока не вдохновили.

Дело там очень серьезное, и исходит от южного соседа. Так сказать, гибридная война. А вы думали, что это изобретение 21-го века? Ха-ха-ха! Причиной миграции тех же кривичей на север – агрессия Римской империи. Воевать славяне не стали, и подчиняться – тоже. Собрали все имеющееся и двинулись в путь. Постепенно дошли до пустых земель в районе Пскова. О, земля обетованная! Откочевали настолько далеко, что стали неинтересны римлянам, у них своих забот хватало с колониями в Европе. Обжились, построили городишки, вышли к морю. Вот тут-то их за причинные места стали хватать племена, жившие разбоем. А куда тем деваться? Скалы да горы, но есть железо и «боевой дух». Зачем выращивать пшеницу или рожь, если можно подойти незаметно к берегу, сразу после того, как крестьяне собрали урожай? И погреть пупок на какой-нибудь девице! Угнать лошадей, выгрести все заготовки. То, что людишки сдохнут от голода? А нам какая разница! Не можешь защитить – отдай или не живи. А амуницию они с римлян сняли или скопировали, или даже купили. Оседлый крестьянин таким обширным кругозором не обладал, пахал, сеял, собирал, прятал и убегал от «норвегов». Совершая свои набеги, пираты стремились ударить в подбрюшье Римской империи, которая к тому времени успешно развалилась на две части. И, именно они нашли путь из варяг в греки. Рим пользовал бронзовое оружие, а пираты – из сварной стали. Но «большого похода» норвеги организовать не могли: во-первых, они были малочисленны, во-вторых, пропускная способность «канала Черно-Балт» была мизерной и прямого водного пути не было. Приходилось таскать корабли по волокам, что существенно снижало полезную нагрузку. Выход был только в завоевании славянских земель или создании военного союза. Обращаю ваше внимание, что спустя всего два года, после того, как в Киеве произошел вооруженный переворот, назовем вещи своими именами, 200 ладей пошли брать Константинополь. И там им, варварам, объяснили, что они «чудаки полные»! Двумястами лодочками Царьград не взять! Воинственных «воев» и «князей русских» просто купили, подсунув им «сказочку о одном очень хитром еврее». Причем, византийские императоры действовали, строго дужа в собственный карман! В Седьмом веке Византия последовательно потеряла африканские владения, и арабы дошли до Танжера. Ими был перерезан торговый путь, связывающий Византию с Европой. А они, как раз наладили торговые связи с Персией и Китаем, и запустили «Волго-Дон». Доктор Александр попал в университет, сопровождая посольство Хазарского каганата в Константинополь. Там хазары и византийцы договорились о строительстве города на Волге, в районе будущего Царицына-Сталинграда-Волгограда. 840-й или 844-й год новой эры, смотря по какому календарю считать. Их было несколько. Так что, будущая Россия попала, как кур в ошип, зажата между двумя разбойниками, а под боком у нее медленно поднимала голову Швеция, пока еще колония Дании, но скоро, очень скоро она станет проводить политику строительства коридора

на юг. Курортов «все включено» там еще не существовало, зато был пурпур, дешевое зерно, большие запасы серебра, ткани, чай, «древности» и прочая, прочая, прочая.

Насколько я понимаю, уже тогда высшее общество было расколото на «западников» и «славянофилов». Мне предлагали стать «зиц-председателем» общества любителей пива славян. Одни не станут мне подчиняться потому, что принадлежат к другому лагерю, а вторые делать тоже самое, ссылаясь на решение Вече и бывшие вольности. А оно мне надо? Впрочем, у меня под боком находится местность, которая в наше время носит название Нижний Тагил. Сам я туда не пойду, оно мне надо? Но самому себе, на память, я зарубку уже давно сделал! Вот только трубки малого диаметра нужны. Но это дело наживное.

Назначения города бояре не поняли, а я и не пытался их воспитывать в духе Великой Культурной революции. В районе строительства новой плотины Вия уже протекает через большую металлическую трубу с двумя затворами, которая закрыта грунтом, это чтобы не строить обводный канал в скалистом грунте. На месторождении идут, одновременно, вскрышные работы и снятие «сливок»: наиболее богатая руда из жил добывается с помощью маленьких шахт и молотков. Никакой механизации нет, максимум маленькая монгольская лошадь вывозит породу или руду до вагонетки. Часть шахт оборудована подъездными путями, большинство – нет. И носится куча «охотников за самородками», ищущих интересные выходы руд различных типов. Их добыча обычно интересует только меня или они сдают их «домщикам». Люди эти прошли краткий курс обучения и им показали основные типы минералов, встречающихся здесь. Вот они и стараются. За находку «интересного» материала полагается премия. Ряды дымных домниц, от которых пахнет серой, бояре обошли подальше, задержались только у кузниц. Но там шла обычная работа.

– А бронь и мечи куете? – спросил Всеволод.

– Здесь – нет, но их выпуск может быть налажен в любое время.

– А где такие луки делаете.

– Эти нам привозят, пригласили и мастеров, но этот лук делается очень долго, и большую часть материалов мастера покупают не здесь.

– На сколько шагов бьет?

– Двести длин. Мой бьет на 250. – ответа не последовало, зато в оружейке моих «аскеров» воевода почувствовал себя на вершине счастья. Еще бы, он в жизни не видал «алмазную» заточку по булатной стали, воронение несколькими цветами, гравировку и номер оружия. Да и вариантов мечей предлагалось много. Самому ему мешали раны, поэтому опробовал оружие другой дружинник, к мнению которого все прислушивались. Видимо, мастер своего дела. Но выражение его лица мне не понравилось.

– Вы чем-то недовольны? – спросил я его. Тот вскинул глаза, затем их опустил, забормотав извинения, в самом конце сказал, – Я не знаю, где лежит мой брат, и не отдан ли он на съедение воронам.

– Все кривичи и словене лежат вон там, в длинном кургане, их дух вознесся вместе с дымом на небо. Пруссов хоронили сами пруссы в лесу, у места последнего лагеря. Мы никого не трогали и сюда никого не звали.

– Светлый князь, спасибо, что приютили дух Возгара, если бы пруссы не кинулись рубить проволоку, то все было бы по-другому.

– За морем телушка – полушка, да рубль перевоз. Сидеть на чужих мечях ни у кого долго не получалось. Они обязательно нацелятся в спину. Защищать отчий дом должны мы сами, а не наемники, которые только и ждут момента, чтобы сесть за стол и положить на него ноги.

– Я запомню это, светлейший князь. Мы очень дружны были с братом.

Глава 8. История семьи еще больше запутывается

По окончании «экскурсии» пятеро «делегатов» собрались в одном из шатров, расставленных в их лагере, о чем мне доложил наблюдатель. Мы расположили делегацию так, чтобы видеть все, что происходит в их лагере. «Официально» наши силы равны: двадцать три человека с их стороны, против девятнадцати с нашей. Плюсом выглядело только наличие у нас укрепленного замка. Это если не считать восьми с половиной тысяч неорганизованных человек в городе и окрестностях. Но, помня их поведение во время прошлого «визита» новгородцев, надеяться на «толпу приверженцев» просто не приходилось. Хотя... шесть человек из города, все-таки, пришли.

– Княже, чего они опять приперлись? Мало показалось, как наша дружина им кости посчитала? Опять длинный курган городить? – высказал свое мнение Ланкруст, старейшина самого большого в городе «района» домнарей. – Ты же нам обещал бронь и оружие выдать, ежели придут.

– Обещал, но с таким количеством «гостей» мы и сами справимся. Надобности собирать ополчение пока нет. Наблюдение выставьте, пока этого достаточно. Сигнальные ракеты я вам передал, наблюдатели в вашу сторону смотрят постоянно.

– Мы тут посоветовались, две сотни отроков тебе пришем. Семь десятков от меня, и тридцать от Сегрунда, остальные районы пока по двадцать пять дадут, закончим хлеба убирать, еще сотню выделим для дружины. Больше, не взыщи, нету. Плотину тоже сыпать кому-то надо. Сам сказал, что она – самая важная.

– За желание помочь – большое спасибо, но отроков на службу пока не возьму. Вы бы лучше гонцов в Пермь направили еще людишек набрать. Урожай хороший, еще одну площадку для сева люди Торопа подготовили, сахарный завод в этом году будет обеспечен свеклой полностью. Мясо есть, ледников – восемь штук новых. Не обращайтесь на «гостей», они того не стоят.

– А чего хотят?

– Да дело сложное! Кто-то убил всех князей первородных и их наследников.

– Убил? Мыслимо ли дело!

– Обставили его так, что не подкопаешься: сами, дескать, померли. Не иначе византийцы со своими ядами да отравками вписались. И заставили «посадских» принять дружину «норманскую», которую мы здесь и оставили в разноцвете. Сорвали мы им большое-большое дело. Не нравится византийцам, что десять племен, населяющих новгородские земли, объединились. Решили «помочь» разъединиться. Изнутри.

Я многое бы мог рассказать главам «городской администрации» о том, что и не такие «Союзы», и «Объединения», могут расколоться. На моих глазах моя Родина раскололась на 17 частей, потом еще на несколько. И все «изнутри». А нас, боевых офицеров, солидно разбавленных «политработниками и непонятно кем», нестриженные «офицеры» уговаривали, что это «воля народа» на Всесоюзном офицерском собрании. «Вы против народа пойдете! В вас говорит „милитаризм“! Нас примет семья демократического мира с распростертыми объятьями!» Приняла! Так, что посла из Вашингтона отзывать пришлось чуть позднее! Это – последний шаг перед войной. И все держится на продлении срока эксплуатации «Воевод». Но, мои собеседники этого, увы, не поймут. Требуется найти какие-то другие слова и примеры.

– Город наш защищен, как никакой другой. Враг пока даже не знает, где мы находимся. Соседи, пермяки, ваши ближайшие родственники. С ними мы не воюем. И «огнищанам» пермским собрать против нас войско не удалось. Так?

– Так, княже. Куды им, супротив нас!

– Да не хорохорьтесь! Когда дружина новгородская пришла, то ни один из вас сюда не пришел.

– Было дело, княже, струхнули, забоялись. Ратники нас могли в куски порубать, а ты оружие и бронь ополчению не дал.

– Класть вас в бою надобности не было. К вам они не пошли, дорогу не знали, а уж как вы все хотели у полей поселиться, не мне вам рассказывать! Было?

– Было, княже! Непривычно житевать далече от хлебушка.

– Так ведь каждому давался участок большой, и под дом, и под огороды. Так?

– Так-то оно так! Да только Тороповы люди при земле были, оне там работали, а нам казали, шо от них за роботу получите! А ну как не дадут? Али прихворнешь? – сказал самый хитрющий из старейшин Ахмыл, полукровка пермяка и словенки (новгородки), – Этого, княже, и замятились. Но, чаво не было, того не было! Тех, кого в верви не приняли, и по твоим указам, зело мало. И за дело. Остатни завсегда сыты были, и хворобые, тоже.

Я его словеса разбирал слабо, так как путал он оба наречия, но как старейшина он был очень хорош! Чего не отнять – того не отнять. Он командовал теми, кто вскрышные работы ведет. Дело это тяжелое, муторное и «неблагодарное»: всегда находится за что «поругать». Тем не менее, он умудрялся найти точку баланса. Чтобы и своих не обидеть, и мне не дать на голову им сесть. Наше совещание длилось дольше, чем у «новгородцев», у которых один боярин и пятеро воинов уехало в сторону Уральского хребта. В нашу сторону двинулось трое оставшихся бояр: Твердятю, Всеволод и Рознег, самый пожилой из них. Конными пошли, поэтому пришлось прерваться и отправить старейшин в город. Намечался пир, по поводу принятия роты, таков уклад, и не мне его менять. Хотя... Откровенно говоря, мне не сильно хотелось «продолжения банкета», но, положение обязывало.

– И куда вы отправили Ярополка? – было первым, о чем я спросил Твердятю, когда они расселись за тем столом, за которым последний раз в своей жизни сидел князь Стоум-Александр и его супруга Аса-Венцеславна. Сам я сидел на месте Александра, напротив того самого топчана, на котором я проснулся в тот раз. На столе стояла изысканная золотая и серебряная посуда, а комната освещалась ацетиленовыми безопасными лампами, с отражателями. Их «пришлось» делать, как только мои пермяки спустились в шахты. Месторождение мрамора, кроме всего прочего, пошло и на производство карбида кальция. Более безопасного керосина у нас еще не было. Где его искать – я знал, но путь туда по туре был нелегким, поэтому отложили на потом открытие Прииртышской нефти. Там же, в первую очередь, нашли газ на болотах, но транспортные проблемы и отсутствие тяжелой техники пока прочно заморозили эти проекты.

– Ярополк ушел с докладом посаднику, он не мой человек, он – посадский, и о моем задании он не знал. Был возмущен ранним принесением роты, хотя внешне этого не проявил, но высказал, что горные бесы тебе помогают, что Рысь был человеком в не своем уме, и ты, княже, идешь по его стопам. Но ничего, с ним только двое из его дружины и трое моих людей. Я не думаю, что Ярополк сумеет добраться в Ладогу быстрее нас.

– Да уж! Отзови своих людей сегодня или завтра, оставь одного, пусть приглядит за тем, с кем он встречаться будет, боярин. Скрытый враг опаснее открытого. Про этого, по меньшей мере знаем, кто он есть. И по нему будем определять: кто-есть-кто на Новгородских землях.

– С твоего дозволения я выйду и распоряжусь.

– Не к спеху, темнеет, боярин до Железного ручья дойдет и там заночует.

– Лады. – коротко ответил Твердятю, которого, после глотка персидского вина, я озадачил другим вопросом. В первую очередь меня интересовали двое присутствующих: знали ли они о целях Твердятю?

– Рознег трудится в моем приказе, а боярин Всеволод служил еще моему отцу.

– Это хорошо. И к каким же выводам ты, боярин, пришел, исследуя или расследуя то, что произошло с первокнязьями?

– Убили их всех, действовали, в основном, ядом, несколько человек убиты на охоте, зверьми да быками, отроков княжих рано развращали и заражали срамными болезнями, что рано сводило их в могилу.

Это совпадало с теми записками Ольга, которые я, все-таки, обнаружил в зимовье по дороге к реке Серебряной. Больше всего его угнетало, что девки у него не было, а отец жестко его оборвал, когда он только заикнулся об этом. Князь сказал княжонку, что человек, следующий своим прихотям и не умеющий подавить в себе это, княжить не может. Зная крутой нрав отца, отрок подчинился, но зло на отца затаил, вот и расплатился. Но поднимать эту тему я не стал. Самого меня не спрашивают о том, что произошло, что я остался один. Один раз, с глазу на глаз, Твердыта задал вопрос о могиле Александра, я ему ответил, что был мал, стояла зима, я выполнил обряд и сжег трупы, а прах развеял по ветру. О причинах смерти он не спрашивал. Если что, сошлюсь на грибы и рыбу, то есть дам свой первый «диагноз». Кстати, он не знает и о третьем брате, а на кургане я поместил имя только Александра, далее следует перечисление «его жены, дочери и сына, умерших страшной смертью» и выбит год. Зато Твердыта знал причину, почему Стоум покинул стол: из-за соращения Ольга или Олега, тому было 11 лет. Так что, князь понял, что добрались и до него, и не долго ему осталось «княжить». Вот и ушел, от греха подальше. Но уходить требовалось раньше.

За столом выяснилось, что приглашению Юрика предшествовали нападения на Псков и Изборск, дважды, что управлял этими делами конунг датский Рагнар Инглингский, покоритель Парижа и Северной Умбрии. К счастью, Твердыта уже разобрался с тем вопросом, чего добивается король шведский и датский, который, к счастью, немного отвлекся походами на франков и саксов, а сюда пытался подсунуть своих вассалов, дабы впоследствии беспрепятственно занять уже покоренные территории. Но стройной теории: как с этим делом бороться, у него не было. Была идея о том, чтобы восстановить первокняжеское правление, а уж они или он, что-нибудь придумают. О чем он и поведал мне. Его поддержали и остальные. Кроме меня.

– Основная ошибка Лана, Изяслава и Пересвета заключалась в том, что, объединив такое значительное количество племен и родов, они наложили подати за проход на юг и на север. То есть, попытались контролировать судоходство в регионе, которым они якобы владели. А военной силой они не обладали. Оружие они закупали у тех же свеев и норгов. Или у персов. Имея выход на Персию, они продолжали поддерживать торговлю с Византией, сами при этом, фактически, не закупали у той ничего. Города наши – хорошо если деревянным тыном обнесены. Крепостей, а они у датчан, да и у свеев, почти все каменные, мы не строим.

– Дык, княже, у тебя тоже только башня каменная... – попытался оспорить мое мнение Всеволод, – А в Любше крепость у нас каменная, да токмо вода уходит.

– Этот замок строился одной семьей. Каменная кладка сделана давно, и не нами. Печь, тоже, сложена задолго до того, как мы здесь поселились. Кроме башни, все остальное строил один человек, у которого было три помощника: две женщины и мальчишка.

– Позволь не согласиться с тобой, княже! – Твердыта даже привстал, прижав руку к груди, – С ним уходило десять дружинников. Всех десятирых князь отпустил через пять лет, одарив серебром и златом. Шестеро погибли на порогах на пути домой, один ушел обратно, да видать не дошел. А четверо продолжили путь, но дошел один, потом пропал куда-то. Поговаривали, что в Царьград уехал. Остальные погибли в стычке с хазарами. Про замок на Змейной горе мы знали, да только где она, эта Змейная гора, было не известно.

– А зачем же спрашивали меня: сын ли я Александру?

– Ты не внимательно слушал, княже! 10 дружинников, шестеро погибли, один ушел обратно, а четверо пошли дальше.

– Всего одиннадцать? Откуда?

– Этого и я не знаю!

Семейная история становилась еще более запутанной. Впрочем, за самого себя волноваться не приходилось: мое имя многократно упоминалось Асой (богиней по-скандинавски). Вот только было ли оно собственным для этого тела? Впрочем, особого значения это не имело! Дабы сделать небольшой перерыв и уйти от этого разговора, я приказал принести из мастерской то, что могло сильно заинтересовать всех присутствующих бояр: новые доспехи. Так как я достаточно здорово подрос и набрал «мышцу», то имевшиеся в лаборатории кольчуги и нагрудники стали мне узки в плечах и коротки в рукавах. Вот я и занялся, по рисункам Александра, делать себе новые латы. То, что придется, рано или поздно, заняться воинским делом, для меня секретом не было. Еще сам Александр писал, что кольчуга обычного типа защитить человека от стрел, выпущенных с небольшого расстояния из длинного лука не может. По тому, что я читал про «татар», было известно, что их стрелы пробивали даже латного конника и застревали только в лошади. Особая форма наконечника весьма способствовала этому. С боем «длинного лука» я уже имел возможность познакомиться. Среди первого купленного комплекта стрел были и «длинные трехгранные», в форме русского штыка, наконечники для стрел. Русская кольчуга и миллиметровая сталь нагрудника из простой стали «шились» этими стрелами за 150–200 шагов, а если с лошади на скаку, то и на все триста. Это то самое оружие, которое применит Чингисхан через несколько столетий. Он пока не родился, и Монголия – небольшая область в Читинском крае, в Забайкалье. Но оружие это у них уже было! Не было вождя, личности, которая объединит орду.

Глава 9. Первый поход

Мне в этом отношении крупно повезло, в том плане, что месторождение у меня уникальное, как бы специально созданное природой для «простейшего» получения кованной и катаной брони. Сталь сразу и сама получалась легированной. Предел текучести у нее был очень высоким. И одновременно она была очень вязкой: останавливала наконечники и вынуждала их ricoшетировать она отлично. После того, как научился на этом оборудовании делать цементировку, то убедился, что даже толщину можно незначительно, на две десятых, уменьшить. А, заодно, занялся художественным оформлением доспехов. В первую очередь, это коснулось шлема. Бывал я в Англии, где видел одно произведение искусства, поразившее меня до глубины души своей функциональностью:



Но я пошел дальше! Рисунки на шлеме, огромное спасибо Милаше, это она сделала эскизы, я наносил электрохимическим способом, не нарушая гладкой, закаленной и цементированной структуры поверхности, под глазами возникли небольшие валики, отражающие вероятный рикошет, а в боевых условиях в «глазницы» встанет бронестекло, разбить которое будет

невозможно летящим стрелам. Воронение темно-синего цвета с зеленцой, и мелкие штришки матового золота, давали общий зеленый цвет доспеху, на котором существовали желтые пятна «цифрового камуфляжа». Красиво получилось! Два года вечерами предавался «раскрашиванию» этой конструкции. Едва с нее сняли промасленную ткань, в которой доспех хранился в мастерской, «моих» бояр вначале разбил ступор, а затем их изливание восторгов было просто не остановить. Красота – она либо погубит, либо спасет мир! В данном случае – погубит!

– «Глазницы» велики, через это тебя и погубят. – мимоходом заметил Всеволод, старого вояку – не проведешь. Пришлось доставать «очки» в толстой боевой оправе. Вставлять их на место и протирать тряпочкой следы пальцев. Кварцевого песка у нас не было, был жильный кварц, горный хрусталь, его мололи на шаровых мельницах, и три мастерских обеспечивали меня химической посудой, кубками, которыми мы успешно торговали с Персией, и начался выпуск стекол фонарей и листового стекла. Внутренняя отделка шлема и всего доспеха, включая интересное решение не делать сплошной кольчуги под сплошными частями панциря, а заполнить пространство войлоком и тканью из крапивы (без листиков, вымоченную, как конопля, но более крепкую на разрыв). Ну, а Твердыта сразу поставил вопрос, чтобы я познакомил его с мастером.

– Отделкой занимался пока только я и Милаша, потому, как баловство это. А вот двести пятьдесят комплектов такой брони сделано в мастерской замка.

– Зачем? У тебя ж дружина с гулькиным нос?

– Дружина – дело наживное. Вот сегодня пришли ко мне владимирцы, и сказали, что 200 человек отроков выделяют, чтобы служили в ней. До того, как вы, новгородцы, пришли, мне и 18-ти человек хватало, чтобы порядок поддерживать. Теперь будет 218. Начинают ценить «свободу» и «родные стены». Без этого – никак. Школу буду открывать, учить их надо «Родину защищать».

– Казна-то потянет? – с некоторым сомнением спросил воевода.

– На пустой карман не жалуюсь.

– А учить кто будет?

– Пленные, двадцать человек из бывшей дружины Юрика. Шестерым из них я это дело могу доверить. Кстати, боярин Твердыта, семеро бывших прусских дружинников ушли в леса, будут искать возможность вернуться на Русь, в Трусло. Надо бы их туда не пустить. Рановато знать Рагнару, что его план сорвался.

– Трое вышло к нам, сидят в лагере на Каме. Остальные мимо тоже не пройдут. Вменю им нападение на тебя, вопреки воли посадника, и к праотцам отправлю. В Валгалу не попадут, но и жить не будут. А гляжу, что задумал ты что-то, княже?

– Так самое время: думать! А не просто шапку носить, тем паче: княжию.

– Это ты верно заметил! – вставил наконец свое слово Рознег, практически молчавший все это время. Молод я был для него и «неразумен». Очень он опасался моей молодости и странных увлечений, – Так чего надумал, княже?

– Мстя – она должна быть холодной, расчетливой и точной. Мы знаем, кто стоит за смертью трех родов. Ударим по ним. А Рагнару будем показывать, что все идет по его плану.

– И куда бить?

– По Шаркилу. Князь Александр попал в Константинополь, когда сопровождал хазарское посольство. Они там договорились построить город и торговые ряды на западном рубеже большой излучины Дона. Через него идет их торговля с Персией. Я тоже с ней торгую, а Шаркил в донских степях мне не нужен, только если там будут стоять наши с вами войска.

– А кому город принадлежит?

– На словах – Константинополю, но правят там хазары. Ударим на юге, где нас не ждут. А север пока не трогаем. Но бить будем не в этом, а в следующем году. Людей надо подучить, кое-что доделать, да и может и Новгород чем поможет, не только на словах.

- Что надобно?
- Сотня-полторы дружинников, конных.
- И что нам с этого будет? – спросили Всеволод и Рознег.
- Доля, городишко там богатый, торговый. Доля за войска и лады. Пойдем по Каме, вниз по Волге, перетянем их на Дон(Танаис), и прищемим Феофилу причинные места.
- Умер Феофил, сын его Михаил там правит. – заметил Твердыта, лучше остальных разбивавшийся кто-где сидит.
- Хрен редьки не слаще. Одно дело делают.
- Вот это верно!

Вот так, под жаренную косулю, персидское и византийское вина, родилась «державная партия». «Расея, моя Расея, от Волги до...» Иртыша.

Твердыта на следующий день уехал обговорить с посадником произошедшие изменения. Я занялся экспедицией в Карпинск, добыть коксующийся уголь. Всеволод вернул дружину из Городков, строил казарму и конюшню для своих, обучал их стрельбе из «длинных луков» по монгольской технологии. Заодно заменили им поганенькие мечи и броню на наши. Да и лошадей сменили. С огнестрелом я их не знакомил, рано еще, не доказали, что готовы стоять насмерть. Переснарядили мины и снаряды, и еще по зиме двинулись в сторону будущей Перми, куда Твердыта сумел загнать до морозов 400 ладей для войска и его запасов. Я же подбросил туда продовольствие, чтоб не померли и суденышки к весне подготовили. За это время успели подружиться со Всеволодом, которого постоянно беспокоило отсутствие стен вокруг Владимира. Пока я ему не показал: чем прикрыты основные направления. Хромитовый рудник находился от Змеиной горы совсем рядышком, так что нержавеющей «путанку» мы производили в большом количестве. Город был прикрыт ею и «боронами»: раздвижными параллелограммами с торчащими вверх шипами на всех направлениях возможной атаки конницей. Там же были прикопаны свето-шумовые гранаты, которые на лошадей действуют абсолютно «благоприятно» для обороняющихся. Наблюдали за «полями безопасности» отряды местной самообороны. Перед отъездом из города я выдал им некоторое количество вооружений, а у Торопа были ключи от соляной пещеры, где лежало вооружение на пару тысяч человек. Старшим воинским начальником в городе остался Тороп.

Как только прошел ледоход, а он здесь коварный, снизу идет, достаточно затяжное удовольствие, тронулись вниз по Каме по большой воде. У Коптелова бугра увидели первое поселение и укрепление, это было через десять суток уже на Волге. Каму вотяки побаиваются из-за пиратов, селения у них на реку почти не выходят. Времена лихие, какой-либо власти здесь нет. Сзади нас, после Болгара (Коптеловска), догнали лады, обещанные Твердытой, еще 150 конных из Смоленска и Подольска. Большой «хабар» впереди, никто из «посадских» от этого отказываться не хотел. С ними несколько ладей с варягами и варяжскими купцами. Те же самые пруссы да несколько свеев. Черт с ними, эти – просто разбойники и торговцы, которые их наняли. Говорят, что пойдут на Каспий. Такое практиковалось повсеместно. Кстати, и все «мои» пираты – тоже здесь, решили стариной тряхнуть, жирок сбросить. Их хлебом не корми, дай пограбить «корованы». Все гребут, при попутном ветре ставят паруса. Идти еще далеко, более 1000 километров. Берега пустынные, я Волгу совсем другой помню. Встали на дневку в районе Ураково, отпустив вперед всех «купчишек», чтобы не мешались, правда, далеко они не ушли, боязно по такой глуши, да и любопытство не порок. Мы же провели совместное учение и «захватили» небольшую деревушку на Иловле, в 15-ти километрах от берега Волги. Население: хазары или казары, эти, в частности, были калис-казарами: на морду русские, но есть примесь тюрков, встречаются и белобрысы, и черноволосые, примерно в равных долях. Быт? Больше похоже на русских, но живущих в глинобитных домах с соломенной крышей. Эти – оседлые. А есть кара-казары, те скотоводы и кочевники. Но здесь их не было. От мордобоя и

грабежа я войско удержал, но, почти поссорился со Всеволодом, который выяснил, наконец, для чего у меня и моих дружинников деревянная коробка на перевязи болтается.

– Ну, ты и змей, княже! Зараз портки стирать придется. И не мне одному! Мог бы и раньше показать.

– Шаз покажу, речка рядом, теплынь, обсохните! – и над степью сухо и громко грохнул выстрел 45-мм пушки. Нашего маленького секрета. Били осколочно-фугасным по полуразрушенному мазару, с толстыми глинобитными стенами. Тонкостенный снаряд воткнулся в глину, заглубился где-то на полметра, и рванул, разворотив скрепленную соломой и ковылью глину. Второй выстрел полностью обрушил одну сторону сооружения. Я, конечно, проверял предварительно фугасное действие этого снаряда из сталистого чугуна, но требовалось, чтобы войско знало, что не с пустыми руками идем. Маловато нас. И пораженческие настроения, особенно среди недавно присоединившихся, уже побежали. Вот, пусть постирают портки, запомнят, как это дело пахнет, и поймут, что противник испачкает их еще больше. Взрыв с выстрелом по мощности звука просто не сравнить!

Через некоторое время, накупавшись и высушившись, двинулись к челнам, чтобы уже на поле брани проверить новые навыки. Ну, а воеводы новгородские плюс думный боярин Рознег, перебрались на мой челн и начали выносить мне мозг, по поводу того, что за хрень творится?! Почему у моих всякое разное новое оружие, а у них... Ну сами понимаете. А что я им скажу? Что мощность моих «заводиков» одна пушка в год? Так оно и есть, и держат меня за штаны не стволы и лафеты, а уплотнители гидравлических откатников и накатников. Привычные и обкатанные технологии производства газо-гидравлических амортизаторов здесь не работают из-за отсутствия резины или любых других каучуков. А я, как назло, знаю производство любой, практически, взрывчатки, но не помню, как сделать синтетический каучук. В школе проходил и забыл, в училище у нас химию давали только в том направлении, о котором я только что написал. Приходилось разбираться с органикой прямо на месте, а для этого требуется время и исходники. А ни того, ни другого у меня просто нет или их количество сильно ограничено. Я получил бутадиев, это не так сложно, но затратно, так как делать его пришлось из спирта, который тоже не так просто выработать в значительных количествах, из него сделал каучук, но больше десятка выстрелов – это дерьмо не держало. Как получить изопрен и из него изопреновые каучуки у меня из головы выскочило начисто. Я его формулу не помнил. Максимум, что осталось в голове, что именно он – основа натуральных каучуков. Заставил людей собирать одуванчики, их молочко, и направил людей в те места, где растет кок-сагыз, но безуспешно. Они еще не вернулись, впрочем, как и их проводники. Что произошло – не знаю. Практически готово 76-мм орудие, но там два моих «метода», с помощью которых я заставил работать «сорокапятку» уже не работают. У последней накатник не газовый, а пружинный, и сальник подкручивал специальный номер расчета, который при выстреле наблюдал за количеством выброшенного масла. Уплотнялся сальник пенькой, и поджимался бронзовой втулкой. Запасные гидроцилиндры мы захватили с собой. На эту «экспедицию» или «кампанию» хватит, а там до Крыма доберусь, где растет «крым-сагыз». Так будет вернее. В общем, пришлось отбrehиваться и говорить о жутко дорогом удовольствии иметь «укрошенного» «бога войны» под рукой. Денег на это дело Новгород не выделял, а снабжать всем и вся чужие дружины – весьма накладно! Но старого вояку на мякине не проведешь! Он, в отличие от двух еще воевод: смоленского и полоцкого, рядом со мной стоял, когда я из «Маузера» вверх пальнул, чтобы остановить попытки начать грабеж села. Он это запомнил хорошо! И видел, как я подобрал гильзу. Остальные стояли дальше и были сосредоточены на орудии. Они еще не знали, что их не одно, а шесть. И минометов еще никто не видел. Я не был уверен в том, что ими придется стрелять, так как нет надобности сжигать город с товарами. Но батарею, на всякий случай, с собой прихватил. Для смолян и подольчан я, все-таки, был чужим, поэтому их претензии я просто проигнорировал, а сказку о том, что дело в финансах, рассказал только Рознегу и Все-

володу. Путешествие продолжилось, хотя один из челнов вдруг неожиданно захотел вернуться назад, но его не отпустили. «Дело» передали Храбру, главе «тайного приказа», тому самому воину, который у меня про брата спрашивал. Своих «тайных» я подключать не стал. Люди были не мои, пусть разбираются новгородцы.

И вот мы достигли устья реки Ёрзовки, по которой удалось на веслах пройти всего шесть километров. Там было селение венгров, которые за плату набросали на волоке бревнышки, по которым мы катили 16 километров по степи свои челны до Конной балки. Так как перекатывать пришлось большое количество челнов, то венгры неплохо заработали. Они еще и предоставляли лошадей, чтобы помогать протаскивать суда. До речки Кармагон суда в чистом виде протаскивали по мелякам. Воды в реке, которая будет носить название Грачи, было не слишком много, но существовала некая система «шлюзов», правда, не рассчитанная на такое количество судов. Но моей коннице на текинских жеребцах и с маузерами, пришлось изрядно поработать, чтобы отловить в степи всех, кто мечтал донести на Дон новость о том, что идут войска. Благо, что противостоять текинцам пришлось низкорослым местным породам лошадей.

Глава 10. Белая Вежа

Восемь суток заняло это удовольствие, наконец собрались на глубокой воде и тронулись далее, попутно ведя конную разведку по обеим берегам реки. Еще пять суток по извилистой реке, без лоцмана, левединские венгры нам в них отказали. Хотя мы, официально, возвращаемся из похода в Киев. С Каганатом мы не ссорились, пока. Гонцов мы отловили, не убивали, тех кто сопротивления не оказывал, но шило в мешке не утаишь, увы, голубиную почту никто не отменял, а на волоке мы видели голубей. Так что, о подходе по Дону наших ладей противник знал, хотя точное время подхода ему было не известно. На шестые сутки путешествия по реке Дон я увидел одну из ладей, на которых ушла вперед разведка, быстро поднимавшуюся по реке вверх и подал сигнал всем спустить паруса, перейти на весла и править левому берегу. Кажется, прибыли. Сам я никогда этого места не видел. В мои годы здесь разливалось Цимлянское море. Справа только что прошли реку Чир, подходили к Цимле. С ладьи прокричали, что впереди город.

– Давай к берегу! – подал я команду. Впереди шли несколько ладей, в экипажах которых были пруссы, опытные «морские пираты» и знатоки этого дела. В этой галере был их бывший сотник Хотебуд, тот, который сам мне сдался.

– Плохи дела, княже.

– Что так?

– Поехали, сам глянешь.

Мы сели на коней и через 15 минут я оценил, во что мы вляпались без разведки, все как у Пушкина: «Остров на море лежит, град на острове стоит!». Византийцы качественно построили крепость! Да, она – глинобитная, но стены начинаются каменной кладкой, типа фундамента, а вокруг города – два рукава Дона протекают. Обе протоки перегорожены цепями. На «нашем» левом берегу – караван-сарай с причалом, но находящийся на расстоянии от стен города на расстоянии прямого выстрела из луков. Жаль, что с оптикой пока очень напряженно, сумели только несколько стереотруб-дальномеров сделать для артиллерии и минометов, но без просветления и абберация у них довольно значительная. Крайний из них получился уже лучше, за счет двойных линз удалось частично избавиться от хроматической абберации и практически идеально притереть выпуклую и вогнутую линзы. Но процесс этот не автоматизирован, требует высокой самоотдачи, кучи вспомогательных инструментов и... времени. А с этим есть большие проблемы. Наш поход готовился спешно. «Командует» изготовлением линз Мила, у которой куча достоинств, но есть один недостаток: знаний и опыта у нее мало. А у меня – вечный дефицит времени. Но отсидеться дома пока невозможно: судя по реакции почти всех воевод – поход провален. «Предков» подрастающее поколение считает «недоразвитыми», «глупыми» и «нуждающимися в их бесценных советах», запросто Сталина учат экономике или политэкономии, сами при этом в этих предметах решительно «плавают», так как «проходили мимо», но многое подчёрпнули из сомнительных источников, но у них же «режим бога»! И есть нога, которой они дверь в любой кабинет с пинка открывают. Вот чего мы, офицеры и командиры 20-21-го веков, не имеем, так это навыков использования рельефа местности для своих нужд. Зачем подстраиваться под рельеф, если есть огневое преимущество? Не потянул сам, вызывай авиацию! Есть у меня возможность сравнить с землей и сжечь это поселение, но расплачиваться с подкреплением придется из собственного кармана. Город укреплен просто великолепно! Даже старый пират Хотебуд прекрасно понимает, что без больших потерь город не взять! Засыпая стрелами и дротиками на подходах, а площадки у причалов зальют греческим огнем и кипящей смолой. Штурмовые лестницы сбросят в реку, глубины на фарватерах нам неизвестны и замерить их нам не дадут. Все это было высказано воеводами на первом же совещании.

– Хорошо, можете поворачивать назад, так как вы убедились, что штурм города невозможен. Моя дружина остается и возьмет город. Я никого не держу. Ваша доля в добыче составит только 5 %, за предоставленные плавсредства, из которых я вычту стоимость продовольствия, поставленного мной.

Такой дележ шкуры убитого медведя никому не понравился, поэтому все, кроме Рознега и Всеволода несколько самоустранились от управления операцией и разослали небольшие отряды по степи собрать хоть что-то. Перехватить какой-нибудь караван, разграбить деревушку или аул, угнать отары или табуны. Мы же ближе к вечеру, так и не показавшись неприятелю, направили несколько штурмовых групп на правый берег, и выставили оружие, замаскировали его и навелись на дувал, окружавший караван-сарай. Жаль, конечно, что «Шмелей» нет, ими пробить этот заборчик гораздо проще, но ничего, «и пока не разберутся, все соседи разбегутся». Как только стемнело, а вместо Луны в небе висел маленький обмылок месяца узеньким серпиком, две группы захвата выдвинулись вперед. Забор выдержал целых три попадания, бой без потерь выиграли мои «архаровцы». Оглушенные и напуганные защитники «сарая» были не слишком боеспособны. За глинобитными стенами я и мои бойцы чувствовали себя вполне защищенными. На правом берегу с громким шумом подорвали цепь, блокировавшую проход, и два десятка ладей пошли на прорыв, чтобы отвлечь обороняющихся от наших действий. У нас в ход пошли дальнобойные луки и «маузеры» с глушителями. Это в качестве салютика бутадиеновый каучук с сажей не годился для использования, а вот разделить каморы в глушителях он мог, и держал двести выстрелов. Он штатно стоял в глушителе братьев Митиных. Другой резины тогда просто не было. Глушители применяли для того, чтобы сильно не тревожить хазар. Впрочем, большая часть гарнизона, как выяснилось позже, была византийцами. Наплавной мост был связан, буквально, с механизмом цепи. Шесть человек разведчиков пересекли протоку, используя дыхательные трубки и пользуясь той самой цепью, чтобы не снесло по течению. Они подорвали цепь, которой убирали наплавной мост с той стороны, и мы из караван-сарая навели его, закрепили и облили жидкой глиной, чтоб его не запалили. Оружие с картечными выстрелами поставили напротив моста. Отразили две попытки контратак, с целью перебить цепи, с помощью которых мост крепился к острову. Едва начало светать, как начали бить под основание стены фугасными снарядами. Десять выстрелов под стену и обоими орудиями еще по четыре выпустили в саму стену, прежде чем она рухнула, образовав 10–12 метровый проход. В этот момент на башнях заиграли трубы, и византийцы выслали парламентаров, так как их тагма понесла тяжелые потери на стенах, а наемники-хазары бросили оружие. Трибун решил, что проще сдаться, чем противостоять подготовленному штурму. Скутатов, тяжеловооруженных пехотинцев, у него до начала боя было всего двести, а он их вывел за стену отбивать мост, где их качественно проредили картечью, стрелками и лучниками. Трибуна звали Петрона Петронус, он – сын основателя города, и Феофил отдал им в лень поселение, расположенное на территории союзника. Кстати, город начал активно перестраиваться. Внутри было несколько кирпичных заводиков, северо-восточная стена и одна из башен уже были кирпичными, и в городе было несколько больших резервуаров с нефтью. Петрона рассказал и причину, почему он начал такие масштабные перестройки: в степи появилась новая орда, которая начала вытеснять аланов и венгров пока из районов Заволжья. Михаил войск и денег выделить отказался. Смоляне и полоцкие были не слишком довольны своей долей, но участия в операции они не принимали. Город под грабежи я не отдал. В тот же день местные каменщики заложили провал сразу кирпичами. Военный совет, который я собрал вечером в городе, не позволил развалиться «коалиции», причем главным действующим лицом на нем выступил Рознег, который пристыдил полочан и смолян за жадность и недоверие командованию.

– Я могу вас понять, Бессон и Горазд, вы нашего князя впервой видите. Сам я остался за пестуна годом ранее при князе, желал присмотреть за ним, ибо дюже молодым показался для такого дела. Да макнул он меня пару раз, дескать, зараз так не гоже делать, делать требуется

по-иному, и прав оказался. Как и сейчас. Вчера все говорили, что поворачивать надобно, не взять крепости. Зело укрепили ее византийцы. Было? Было! Так пошто теперь, после драки у вас кулаки зачесались? Князь взял, данью обложил, а как поделит – ему решать. Без него и без его «антиллерии», вертались бы мы зараз домой не солоно хлебавши.

Я немного увеличил их долю. За счет тех запасов продовольствия, которые обнаружили в городе, скостив им стоимость потребленного продовольствия. И выделил деньги в серебряных гектах, одна шестая серебряного статера, которых оказалось очень много в местной казне, для выдачи жалования всем 150 дружинникам, по два статера на брата. Мои получили по пять золотых и по сорок серебряных статеров, став сразу очень и очень состоятельными «кротами», и столько же получили «участники прорыва» на ладьях, то дружинники Смоленска и Полоцка бурчали на своих командиров до конца похода. Более я Бессона и Горазда среди воевод не видел. Оставив 50 человек, сборную команду, по жребии, прихватив с собой дополнительно более ста «стругов», которые византийцы использовали для плавания по рекам (довольно тихоходное суденышко, но имевшее большую грузоподъемность, чем ладья), дружина двинулась в обратный путь. Но пришлось зазимовать по дороге, однако в мои планы зимовка не входила, поэтому я налегке, с 18-ю «гвардейцами кардинала», ушел с санным поездом во Владимир, оставив Рознега и Всеволода за старших на зимовке. Дел дома было слишком много, чтобы позволить себе просто валяться в шатре и ждать, когда солнце растопит лед на Волге и Каме. Прибыв домой, где меня порадовали очередным ребенком, снарядил большой санный обоз за добычей (деньги мы с гвардейцами вывезли сразу), который вернулся в марте.

Глава 11. Новые претензии

В тот год мне так и не удалось получить то, что я хотел: цельнотянутую трубу малого диаметра. Будем надеяться, что 865 год будет более плодотворным. И я вплотную занялся тугоплавкими сплавами и насосами высокого давления. По весне мои усилия увенчались успехом: я, наконец, получил трубу $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ дюйма необходимой длины и качества, и мог начинать делать двигатели внешнего сгорания с замкнутым циклом рабочего тела. Более крупный диаметр производить несколько легче, я уже писал, что такие трубы мы изготавливали и даже использовали для стационарных паровых машин. Сейчас речь пошла о двигателе для трактора и, может быть, автомобиля. В общем, любого транспортного средства. В том числе, для мотор-генераторов на подвижной основе. Аналогичные установки могли выдавать и буровые трубы, они тоже цельнотянутые. Ведь рядом со мной под землей находится огромная кладовая: газ и нефть. Но, в первую очередь начата работа по возведению домны и мартена. Мастеров-кирпичников я привез из Шаркела. С этим вопросом здесь довольно просто: рабовладельческий строй. Все торгуют рабами. Те же скандинавы приходили на Русь за мехами и рабами. Все это они продавали в Европе, получая в обмен драгоценные металлы или ювелирные изделия, а кроме того, новые технологии, типа стремян к седлу. Я ведь первое, что изменил в этом мире, так это седло, которому добавил две луки и стремяна. Их не было!

А мне срочно требуется транспорт! Простой и надежный, с возможностью добыть для него топливо в любом месте. «В любом месте» в этом мире встречается дерево и кизяк. Вот на них и необходимо ориентироваться. Все остальное требует строительства укрепленных топливных станций, ибо мир «Standard Oil», «Texaco», «Esso» и «BP» еще не наступил, а если вы где-нибудь поставите такую заправку, то рядом с ней требуется оставлять центурию для ее охраны, желательно, с хорошей картечью. Так как даже понятия о частной и личной собственности еще не придумали. «Все, что создано народом, должно быть надежно защищено!» – Владимир, наш, Ульянов-Ленин. Как никогда позже, этот лозунг актуален и точно соответствует действительности.

Я, тут, когда взяли Шаркел и разобрались «кто-есть-кто» среди новых «подданных», обрадовался, так как в мои загребушие лапчонки попал выпускник Константинопольского университета, который заканчивал князь Александр. Повезло, слов нет! В такой глуши и такие деньги! Я его, естественно, «прихватизировал» без остатка, и все из его дома выгреб, загрузив две ладьи для перевозки. Когда уже пошли по Волге и я сумел, с его помощью, разговорить сам себя на латыни, у меня появились первые сомнения. Папаня и маманя у него круты, как несваренное яйцо! В свите императора ходят, то ли блох у него выбирают, то ли пятки щеко-чут, но зарабатывают бешеные бабки. А сынишка у них «оболтус», хоть и довольно умненький. По приезду домой, я его пустил в лабораторию, откуда через полчаса его вынесли, чуть ли не ногами вперед, так как он нюхнул дисульфана, с помощью которого мы каучук в резину превращаем, без внешнего нагрева. Мне он, химик, был нужен, чтобы с органикой разобраться и получить этот чертов изопрен и полимеризовать его. Оказалось, что этот гадский потрох, несмотря на наличие диплома и положение «домашнего алхимика» «мэра города», второй раз в жизни присутствует на лабораторных занятиях. В универе он их пропускал и откупался от практики папиными и мамиными деньгами. Мама у Михаила любовницей работала. И такая меня злость взяла! Я же его самого и его «кастрюльки» пер за 2000 километров. Поил, кормил, русскому языку обучил, а приволок «льва, с хвостом по всем сессиям»! Я его выпорол, сунул ему в руки учебник по общей химии, и сказал:

– Мне нужен изопрен, ради этого тебя не отдали в качестве игрушки в дружину. Ты меня понял, раб?

– Мои папá и мамá – богатенькие буратины! Напишите им письмо, и они выкупят меня!

– Идиот! Это – Урал! И никто в Византию это письмо доставить не сможет. Ты считаешь, что я тебя пять лет кормить должен, чтобы получить сраную тысячу двойных статеров? Вот учебник химии, на латыни, и, если ты через месяц мне не сдашь экзамен по нему, тебя опять выпорют, но уже кнутом. Вот в этой склянке – изопрен, и, если ты его через год не синтезируешь, то остаток жизни ты, раб, проведешь на соляных копах. Ты меня понял?

– Понял.

– Не «понял», а «понял, княже»! Голова есть, учебник есть, а дурь и лень из тебя выбьют. За работу! Завтра переедешь вниз, на мраморный рудник, домик там есть, там и будешь жить, до сдачи экзамена. Ты меня понял?

– Понял, княже!

Теорию он знал, объем, конечно, не тот, что требовался, но где взять другого? Экзамен он успешно провалил, именно в практической части, его выпороли, и на пару минут повесили на дыбу. После этого он решил начать заговариваться и вести себя, как сумасшедший. Отправили на расчистку карьера: носить породу до вагонеток, через день заявил, что достаточно трех дней и зачет у него будет. Сдал. Получил лабораторию с полным набором всего и вся, и задачу: «выделить и изучить изопрен, и способы его полимеризации». Через полтора года мы получили искусственный изопрен и изопреновый каучук. Насколько я помню, за это деяние была выдана Нобелевская премия в начале 60-х годов прошлого столетия. Он ее тоже получил: я ему разрешил жениться и предоставил ему дом. До этого он жил в лаборатории и за его здоровьем, санитарным и физическим состоянием присматривал старшина курса по выживанию у моих гвардейцев Леон. Который каждую неделю гонял его в баню и заставлял менять воротнички, нательное и постельное белье, как в казарме. Леон был «мастером» и византийцем, и ненавидел византийскую знать. Потом они подружились, но это было гораздо позже! Так что, иногда для завершения работ мирового уровня просто не хватает кнута и дыбы. Вы скажете, что это – не метод? Конечно! Но ведь работает! А как еще загнать в лабораторию человека с ученой степенью, но привыкшего к тому, чтобы ничего не делать, только на пирах умные слова произносить? Он это пустословие считал своим предназначением. А недостатки воспитания лечатся именно кнутом и пряником. Собачек так на медведя натаскивают. Которые проявляют свой азарт сзади, тем лапой медвежьей по жопе не достается. А у которых соображая не хватает нападая защищаться, те долго не живут.

А приключения с Шаркелом просто так не закончились. Существовала в городе не слишком большая прослойка людей, которых впопыхах я даже и не заметил. Они попрятались у себя в домах, которые мы не перетряхивали и не зачищали. Они повылазили оттуда чуточку позже, когда войско ушло. Часть из них руководило местными уголовниками. С этими мои дружинники достаточно быстро справились и забили их, как мамонтов. У славян того времени была повышенная чувствительность и непримиримость к ворам, хотя еще более многочисленных попрошаек они не трогали. А вот «рукой водили» там совершенно другие люди, которые сами по себе изображали донельзя честных людей, да еще и поклоняющихся Яхве. Из-за скорости проведения операции у меня из головы выскочило, что хазары в то время создали каганат. Сами они на евреев совершенно не похожи, «лица кавказской национальности», авары. Русскими их не назовешь, но не турки, и не монголы. И даже не персы. Они отличались. Но ведь не евреи! А вот эти самые «рукой водители» поголовно были ими. Еще одна прослойка лиц определенной национальности была менялами. Тоже не слишком многочисленная, и работавшая в паре с уголовниками. Они составляли их «силовое прикрытие». И третий «подвид» – иудейские священники. Эти руководили всем! Их следовало бы «зачистить», да они по щелям забили так, что их и не видно было. Проявились они позже, когда мы уже ушли. Ближе к осени Рогач, сотник, прислал «почту», в которой описал обстановку в городе и, доставленное

ему весной, письмо из Константинополя. Письмо было скреплено двумя сургучными печатями и не было вскрыто, предназначалось мне. Он же переслал мне сопроводительное письмо, из которого стало понятно: кто поставил в известность императора. Это были главы трех «церквей», возмущенных тем, что их проигнорировали и запретили, под угрозой смерти, собирать церковные сборы. Покусились на святое! С их помощью Рогача лишили единственного инженера-строителя: Петрона, который добровольно согласился с должностью и активно помогал восстанавливать и перестраивать крепость под новые нужды. К нему ночью ворвались неизвестные и куда-то увели. Как выяснилось, отправили в Константинополь. Рогач поступил умно, и отправил все его семейство, включая старого Петрона, во Владимир. Я им предлагал это сделать и ранее, но они отказались.

Сейчас, под давлением обстоятельств, 12 человек семьи Петронус следуют от Верхне-Чусовского поселения в город. «Свободное» жилье из спецфонда есть, пусть приезжают. Есть чем заняться! Жаль, что проворонили «молодого», но хорошую рекламу он мне составил: Михаил III приглашает с визитом в Константинополь и желает открыть посольства, так сказать, установить дипломатические отношения. Его желание мне понятно: бьют его свирепо в Африке, подбираются к местам благословенным, к Голанским высотам, отобрали Египет, Ливию, на очереди Алжир, Марокко. То есть ситуация у него критическая. А тут в диких степях, которые совершенно не интересовали императора, который палец о палец не ударил, когда за Волгой появились печенег, вдруг прорезался такой интерес к сыну бывшего студента. Сам «сынишка» его не слишком интересуется. Ему нужен «укрошенный „бог войны“»! Он всем нужен, но до поры до времени послужит только мне. А вот Рознегу, единственному из «моих» людей, который знал греческий и немного латынь, после недолгих консультаций, пришлось срочно собираться и становиться «послом» в Византии. Он ушел туда, прихватив с собой подкрепление для Рогача. Еще 150 человек-дружинников на этом потеряли. Так их не напасешься! Но запереться во Владимире уже не получится. К зиме ждем посольство от новгородцев, посадники восьми городов направляют 12 человек бояр и четыреста конных дружинников для «курса молодого бойца» в новой школе. Очень активизировались будущие «немцы»: пруссы, ободриты и венды, ободренные тем, что новгородцы Юрика с дружиной к себе пригласили. Они еще не знали, что лежит большая часть этих людей за Уралом и больше ничего себе не просит. Заросли их могилки травой и молодыми деревцами. Но поход на Шаркел отчетливо показал, что дружины славянские воевать не сильно умеют, поэтому посадники пошли на такой шаг, направив их учиться военному делу настоящим образом. Для того, чтобы я не «прикарманил себе» эти войска, они и послали с ними бояр. Но есть вероятность того, что среди них и этих войск найдутся люди, придерживающиеся других ориентиров в этом мире. Ничего, строительство каменного «детинца» началось. Приток переселенцев довольно значительный, и есть возможность направить его не только на завод, но и выделить толику малую для себя любимого. Львиную часть новобранцев составляли по-прежнему пермяки и комяки. Новгородцы и муромчане, правда, прислали 12 тысяч крестьян и рабов, в основном рабов, за которых еще и заплатить пришлось. Но раб в Новгороде – это условная единица, он может стать свободным, если общество его примет. Благо, что Шаркел подкинул мне мелких монет византийских, и покупка ничего не стоила казне города. Смоляне и полоцкие отписались, что зимой на санях направят людишек, часть которых просили выкупить сразу. Они, тоже, знали, что люди мне требуются, а деньжата я «имаю». Зачем продавать далеко, свеем, если есть возможность заработать «дома» как деньжата, так и отношение будущего князя. «Ложку дегтя» мне, тем не менее, послы подготовили: высказали претензии к положению, так сказать, княгини, а заодно, к моим двум парням и дочке. Милаша, по простоте душевной, никогда и не скрывала своего плена и рабского положения, до того, как попала ко мне. Бояре докопались до этого, что раба, и дети могут унаследовать только это звание. Когда я, на полном серьезе, пообещал их всех сделать рабами, потому как не смогли удержать Переяславль и допустили

угон в плен ребенка, то немного пошли на попятную, что она – дочь свободного человека и не могла воспротивиться угону в плен, но, панимаш, не девкой тебе досталась, негоже таку в княгини прочить. Намерение их было мне понятно: решили своих девок мне подкинуть и породниться с первокняжим родом. Но и такой вариант меня не устроил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.